

ПОБѢДИТЕЛИ

Елена Чудинова

Елена Чудинова

Поб#дители

«Издательские решения»

Чудинова Е.

Победители / Е. Чудинова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858146-5

Елена Чудинова на сей раз предстает перед читателями не грозной Кассандрой, но — художником, рисующим совсем иной мир, где история России, стран Европы и США развивается в XX веке совершенно иначе. Ведь в годы Гражданской войны победили не красные, а белые, в России была восстановлена могучая монархия, а Второй мировой войны вообще не было. Но кто бы мог подумать, что зловещие тени кровавых событий начала XX века омрачат благополучный 1984 год процветающей Российской Империи?

ISBN 978-5-44-858146-5

© Чудинова Е.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава I Путешествие из Петербурга в Москву	10
Глава II Мой добрый демон	13
Глава III Знакомый незнакомец	17
Глава IV Не самый приятный разговор	22
Глава V Высочайшее поручение	25
Глава VI Газеты, письма, телефон...	30
Глава VII Четыре года назад	35
Глава VIII Четыре года назад (продолжение)	41
Глава IX Пикник с некоторым количеством странностей	46
Глава X Тропинки в прошлое	51
Глава XI Подвиг Миши	57
Глава XII Еще один иноземец	62
Глава XIII Великие тени	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Поб#дители

Елена Чудинова

Дизайнер обложки Ярослав Николаевич Попов

© Елена Чудинова, 2017

© Ярослав Николаевич Попов, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-8146-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПУБЛИКУЕТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ

Все совпадения жизненных обстоятельств, портретов и имен (включая совпадение имени главной героини с именем автора книги) являются случайными

Пролог

Моим сверстникам – по обе стороны зеркала – посвящается

Сквозь дрему я услышала, как золотое яблочко закрутилось по тарелочке – в будуре, через приотворенную дверь спальни. Прозвенело, хлынули потоком утренние новости. Половина десятого. Увы, пробуждаться действительно пора, хотя, настраивая вчера домашнюю технику, я не думала, что всю ночь мне вновь будут сниться нелепые и тревожные сны, скорей отнявшие силы, чем подарившие отдых. И все же... Нельзя себе слишком потакать.

Любимый лебяжий белый пеньюар, любимый столик-маркетри, на котором я уже через несколько минут устраиваюсь с чаем. Круассаны только что присланы из булочной, горячие, хрустящие. Существуют, как известно, две школы бытия: русские сперва принимают ванну, а потом завтракают, французы же – строго наоборот. Непонятно только, отчего я всегда выхожу француженкой.

Ладно, чем порадуют с утра тарелочка с золотым яблочком, как в моем детстве называла новостную панель с пультом няня Тася. Да, я и до сих пор так говорю иногда. Панель у меня, кстати, небольшая, почти что вправду со столовую тарелку. Когда мне в нее смотреть, кроме как утром? Развлечение для людей пожилых.

– ... В Москве открылась Международная конференция «Мальтийский Инцидент – двадцать лет после. Уроки, выводы, прогнозы».

Да уж... Самый крупный политический кризис XX столетия. Я была вовсе маленькой, а помню (или мне кажется?) мрачную тень, подобно грозовой туче наплывшую на континент.

Между прочим, все ведь валом повалят на открытие. То есть наличествует шанс, что сегодня у кухни Наташи Альбрехт не набьется полон дом гостей. Нужды нет, когда мне очень нужно застать Наташу одну, я могу ее о том попросту попросить прямо. Но это уже намек на необходимость серьезного разговора. Хочется ли мне признаться себе самой, что есть о чем поговорить серьезно? Ни себе, ни Наташе, нет, не хочется. Она конечно, все равно поймет, но лучше уж так, невзначай... Если допить чай и сразу на вокзал, вечером буду в Первопрестольной. Задержаться можно будет в московской квартире дня на два. Ну да нам не привыкать стать жить на два города.

– ...Священный Союз рассмотрит возможности оказать материальную помощь Соединенным Штатам Америки.

Получат они помощь, чего уж тут. Плохо ведь в стране. Хотя... можно б и не давать. По сути, виноваты-то сами. Надоело, вишь, видеть в Белом доме все Кеннеди да Кеннеди... Два срока Джона Фитцджеральда, два срока Роберта Френсиса... Разнообразия захотели. Кто он вообще, этот Дик Никсон, откуда взялся? Выбрали на свою голову. Ну и, понятное дело, сразу кризис. А ведь Клан почти вытянул страну... Вот и результат: Эдвард Мур теперь, говорят, даже ночует за письменным столом. Что поделатъ, у них же, у бедных, республика. Давно доказано экономистами: монархии развиваются много динамичнее и стабильнее республик.

Приятные все же лица у этих рыжих Кеннеди! Впрочем, JFK давно уже не рыжий... А держится молодцом. Другой бы сдал на его месте, и здоровье никогда не было крепким, и все эти покушения... Другой, но не этот. Симпатичный старик. А это кто рядом, Джон-младший? Да, он самый. Тоже приятное, пожалуй, даже красивое лицо, хотя, признаюсь, с этими своими улыбками до ушей американцы все же немного переслащивают.

– Волнения в Иерусалиме...

Ну, тут ничего нового, можно и не слушать. Это все левые буянят. Зачем, мол, столь огромный бюджет на армию, в такой-то спокойной стране, как Израиль? Лучше б эти деньги,

да на всякое приятное. Ну да военный министр Ави́гдор Эскин ни на волос не сдвинется. Баснословно молодой министр, мой ровесник. Станные слова он сказал при назначении. «Любители избыточного комфорта потерпят. Мое дело – безопасность. На самом деле мы живем на пороховой бочке». Так потом никто и не догадался, где Эскин нашел в Израиле пороховую бочку? «Ястреб». Успел три года прослужить советником президента в ЮАР, завинчивал там гайки, укрепляя апартеид, было давший несколько трещинок. Даже какой-то бурской государственной наградой за это отмечен.

Эскина я видела один раз вживе, на каком-то очень большом официальном приеме. Нас друг другу даже представили, но мы обменялись буквально парой слов. Только мелькнула мысль: «Какой же добрый, оказывается, взгляд у этого ястреба». И еще, взглянув в эти серо-голубые глаза, я вдруг ощутила, будто бы мы давным-давно знакомы, не раз бродили вместе по московским улочкам, именно по московским почему-то, сидели в маленьких ресторанах. И вместе курили. Я не курю, между прочим, но очень люблю побаловаться сигареткой-другой в подходящей компании. И мне представилось почему-то, что и Эскин тоже курит только в компании. И что, собираясь с ним повстречаться, я нарочно клала в сумочку коробочку сигарет, чтобы лишний раз сбить его с пути истинного. Хуже того, мне показалось, что похожее чувство возникло на мгновение и у Эскина. Будто бы лицо его сделалось растерянным, словно он тщетно пытался что-то вспомнить. Что, конечно, уже полный бред. У меня серьезные трудности, да. Но уж не у этого же внушительного политика. У него таких трудностей по определению быть не может.

– На главных подмостках сезон откроется с оперы Никитина «Северо-западники».

Не очень люблю современную оперу, но эта – сильная вещь. Сюжет построен на освобождении Петрограда Юденичем. Как композитор Никитин перекликается с Пуленком. Потрясающее произведение. Сколько раз была – и снова пойду слушать.

– В цирке Чинизелли продолжают гастролы молодого трио московских клоунов...

Не выношу этот вульгарный жанр. Но Бетси водила детей, сказала, что малютки очень смеялись. Но постойте, это уже столичные новости пошли... А как же главное? Во всяком случае – главное для меня? Знаю, как это делается, когда раньше времени пускают события культурной жизни. Кто-то в редакции сейчас ерзает за столом, лихорадочно глядя в рабочий новостник. Успеет сейчас, или только в следующем выпуске? Ах, вот...

– Срочно! Нам сообщают из Рима...

О, нет! Звонкая трель, изображение на тарелочке мутится, идет рябью... Ну кому я могу понадобиться в такой час – именно в эту минуту?!

Сквозь новостные картинки проступило лицо – более чем знакомое, высоколобое, с зачесанными на идеальный косой пробор русыми волосами.

– Ник... О, Боже, ты мне сбил самую важную тему дня!

– Нелли, даже не проси оставить тебя в покое! Мне нужно поговорить с тобой сию минуту. Новости никуда не денутся. Разве что станут старостями.

– Ты находишь?

– Нахожу повсюду.

Давние наши шуточки. Похоже, приходится смириться с неизбежным. Ник, по крайности, немногословен. Сейчас скажет, что ему от меня надо.

– Мне не удалось отвертеться от присутствия на заседании Главной Топонимической Комиссии. Завтра в одиннадцать утра.

Ник подался чуть вперед к своей панели, лицо заняло всю плоскость, даже сделался виден шрам, слегка повредивший форму правой брови. Серебристая тонкая полоска. Очень тонкая. Подумать странно, что было столько крови. Ох, крови было... Впрочем, сапог-то мой был не скаковой, а просто конюшенный, грубый, подбитый гвоздиками.

Я сидела тогда на танкетке в гардеробной. Одна нога, правая, уже обута не только в туфельку, но и упакована в зимний ботик, с левой я только стягивала этот самый сапог. Тут Ник, стоявший напротив, в оконной нише, и крикнул мне, что Невермор обойдет Арнику стреноженным. Стреноженным! Каково?! Я могла бы в тот день поклясться, что сапог полетел в Ника сам, без помощи моей руки.

Это был, вне сомнения, 1971 год. Последний мой год, когда, по неписаным законам Конюшен, девочки и мальчики могли драться меж собой. Двенадцать лет – и никаких драк. Нельзя. Не положено. Ты теперь бэээрышня. Ударишь – мужчина только стерпит. В 1971 году мы с Ником дрались до невозможности часто. На всю дальнейшую жизнь.

Впрочем, в тот раз я поняла, что не была права. Слишком свирепо свистнул в воздухе сапог, слишком отчаянно заморгал глаз, пытаюсь проглянуть сквозь ярко-алые потеки. Я не сознавалась себе, задирала нос, но совесть грызла долго. Иначе – с чего б спустя несколько недель я так легко согласилась поменяться: моя японская гравюра с самураем на его немецкую губную гармонику? После невыгодного обмена муки совести вроде как поутихли.

– Нелли... Нелли, ау! Ты о чем задумалась?

– О золотом детстве. Так что Топонимическая комиссия, Ник?

– Известно, что... Славянофилы опять за свое.

– Неймется же им...

Что тут скажешь? С 1930-го года, с тех пор, как Петрограду было возвращено историческое имя Санкт-Петербург, пяти лет не проходит без возмущений славянофилов. Подавай им Петроград – и все тут. Больше полувека прошло – а все никакого спасу от них. Русское Собрание унаследовало от предшественников своих из Союза Русского Народа манеру злоупотреблять прошениями на Высочайшее Имя. То и дело Александр Филимонович Решетов (В жизни-то – милейший человек, а какой тонкий знаток иконописи Новгородской школы!) направляет в Высочайшую канцелярию подписанную всей фракцией «челобитную». Иногда они хотят просто Петроград, иногда даже Святопетроград, это у них внутри свои кипения страстей. И неуклонно прилагают текст документа от 31 августа 1914-го года. А их филологи каждый раз дополняют это все новыми теоретическими изысканиями. И каждый раз приходится с этим разбираться. У славянофилов шестьдесят два гласных в Думе, так просто не отмахнешься.

– И ты хочешь, чтобы я с ними спорила?

– Хочу. Нелли, вся надежда на тебя.

– Надежда на меня, а мне с удовольствием слушать, что девиц нельзя допускать на заседания по серьезным вопросам. И что прятка по мне плачет.

– А мне, с не меньшим удовольствием, слушать намеки, что моему уху милее «бург» по причине моего предосудительного происхождения. Чушь, конечно, ну какой я немец, в самом-то деле? Но ты-то уж совсем-совсем русская, так что имеешь полное право быть западницей. Нелли, я без тебя не справлюсь. А, кроме того, это не лесть, ты лучше всех нас разбираешься в Мировой войне¹...

– Разве что на вашем безграмотном фоне...

– Глумись, глумись... Так я могу на тебя рассчитывать?

– Да куда ж я денусь... Можешь. Хотя я сегодня хотела мчаться в Москву. Так и быть, отложу. Но твое счастье, что я еще не улетела в Рим.

– Действительно, мое! – Ник рассмеялся. – Я и забыл – тебя ведь хлебом не корми, дай увидеть воочию, как вместо черного дыма из трубы повалит белый.

– Сердце мое, Николушка, на памяти нашего поколения это первый конклав, который мы наблюдаем в сознательных летах. Предыдущий, если ты забыл, проходил до Мальтий-

¹ Если Первая является Последней, номера не нужны.

ского Инцидента. Сильно подозреваю, что кубики и куклы-неваляшки нам были в те дни интереснее.

– Я вижу, что ты счастлива.

– Ну... не вполне все же. Полное отсутствие интриги! Такого еще никогда не бывало. Девяносто девять и девять десятых за то, что все ясно заранее. Монсеньор Марсель Лефевр, миссионер из Черной Африки, встретит 1985-й год Папой. Но и это еще не все. Девяносто девять и девять десятых за то, что известно, какое имя он выберет.

– Беда, да и только. – Ник все еще улыбался.

– Уж если конклав, то можно б ожидать и больших волнений. Ему, правда, прочат в соперники этого поляка, Кароля Войтылу, но это не всерьез. Войтылу ведь подозревают в тайной склонности к модернизму. Нет, он Монсеньору Марселю Лефевру не соперник...

– Нелли... Умерь красноречие, все-таки вспомни, *с кем* говоришь...

– Гмм... Ты прав. В самом деле, неловко получается. Так, стало быть, до завтрашней встречи?

– Благодарю, я знал, что ты меня не подведешь. Но... – Ник сделался обаятельно серьезен. Таким его нельзя не любить. Да и кто ж не любит Ника? – Мне не нравится твое лицо. Что-то неладно, Нелли?

– Пустое, право. Снились скверные сны.

– Сны? Ты, верно, перетрудилась в архивах, Нелли. Не всякому мужчине по нервам читать то, что пудами читаешь ты. Я, конечно, понимаю, что ты у нас мужеумная и все такое, но душа-то у тебя – женская. Жалей ее иногда.

– Может статься, ты и прав. Мой первый роман закончен и издан, и я очень постараюсь, чтобы новый был все-таки не о Гражданской.

– И было бы мудро с твоей стороны. Ты еще вернешься к Гражданской войне, иначе быть не может. Но есть ведь еще не меньше любимый тобой Золотой век Екатерины... Ладно. Прощаюсь с тобою до завтра. Мне еще, прости, столько всего надлежит сделать до обеда на страх врагам. Пока до свиданья!

– До завтра!

Тарелка померкла: новости, видимо, уже завершились. Государь Николай Павлович, Николай Третий, занялся прочими неотложными делами. Государь Николай Павлович, двадцатичетырехлетний монарх, правящий ровно двадцать лет. Хотя, если по чести, то, конечно, всего три года. Сколько же нервов нам всем съело ожидание этого совершеннолетия! Сорокалетние старики, с их робкой осторожностью, с их скучным ретроградством, несколько лет препятствовали нашему поколению в свершении необходимейших смелых шагов. Ну да с этим покончено. Уже три года, как настали самые замечательные времена.

Глава I Путешествие из Петербурга в Москву

Завтрашнее утро в Москве встретит меня Яблоневым Спасом. Об этом приятно было думать, глядя в окно скоростного экспресса «Молния», с мелькающей за стеклом листвой августовских деревьев, еще не тронутых желтизной, но уже немного поблекших. В Москве этот праздник – самый нарядный. «Молния» прибывает поздно вечером, к Наташе я напрошусь с утра. И едва ли кого-нибудь у нее утром-то застану. Вот и получится – без посторонних, но невзначай. Славно.

Карамзин упоминал, что первые часы путешествия мысли занимает то, что осталось за спиной, но дальше они переключаются на цель назначения. У меня же вышло на сей раз наоборот. Сначала я думала только о Наташе, предвкушая встречу с той совершенно особой радостью, которую никто иной просто не может во мне вызывать. Легкое замирание сердца, словно мчишься в детстве с горки на ледянке, а губы сами собой складываются в глупую сияющую улыбку, призрачно возвращенную мне нелюбезным оконным стеклом. Но затем мысли обратились к немного огорчившей меня истории, случившейся перед отъездом. Впрочем, случиться-то ничего ведь и не случилось. Более того, ничего и не случится дальше. А все-таки неприятно.

...Великая Княжна Валерия Павловна поймала меня по телефону вечером в субботу. Пятница моя без остатку ушла на битву в Топонимической комиссии, и я уж решила задержаться в столице до воскресного дня. Лере всего двадцать лет, и она много худшее чудовище, чем даже была в этом возрасте я. Мы ее сами немного избаловали, но это ведь так понятно... Это понятно и очень грустно, ведь Лере не было года, когда... Но что об этом. Если на горизонте появляется Лера, значит ей что-нибудь срочно необходимо. В этом они с братом немного похожи, только все необходимости Ника серьезны и вызваны важными причинами, меж тем, как Лерины большей частью состоят из всякого вздора.

– Мне заказали иллюстрировать книгу! – сообщила она, едва успев переброситься со мной парой обязательных фраз. – Приключенческий роман, исторический, я уже половину прочла! Я так рада, до последнего момента боялась, что отдадут кому-нибудь с большим опытом. Так ведь часто делается. Но...

– Но что? – Я заранее вздохнула.

– А ты возьмешь меня завтра на мессу?

– Что-что?!...

– Мне очень нужно, Нелли! Просто смертельно! Понимаешь, там один персонаж, молодой такой священник ирландец, вот он... Словом – мне надо посмотреть.

– Я могу тебе дать кучу альбомов с картинками и фотографий. И записей.

– Это все совсем не то! Мне нужно живое эстетическое впечатление, свое! Нелли, это моя первая большая работа, от нее будет зависеть моя профессиональная репутация, пойми!

– Я понимаю другое. В воскресенье ты идешь к мессе, в понедельник вся желтая пресса положит это интересное событие на первых страницах. И кому ты тогда станешь рассказывать про свои иллюстрации? Самые нелепые слухи покатыются, как снежный ком. Лерочка, душа моя, нет, только не это. Ты не можешь так подводить брата.

– Я ведь могу и без тебя пойти. Но с тобой лучше, ты объяснить можешь. К Святой Екатерине, например.

– К Святой Екатерине в воскресный день ходит почти две тысячи человек. – Я добавила льда в голос, как в коктейль. – Это совершенно исключено.

– Тогда пойдем вместе в церковь святого Казимира! Она-то маленькая.

– Валерия, были ли тобой услышаны мои слова? Ты подведешь брата.

– Я надену очки с простыми стеклами, у меня есть. Очки меняют лицо. Волосы закрою шарфом, нет, лучше тюрбаном. Могу перекраситься в жгучую брюнетку, если нужна конспирация! Нелли, я на все пойду, в книге картинка, где служат мессу, она должна быть в самом начале. Я перекрашусь не в брюнетку, а в негритянку, хочешь? Намажу лицо кремом для обуви.

– Церковь – самое место, чтобы устраивать маскарад.

– Ты же боишься, что я подведу брата? Кстати сказать, это не брат, это деспот. Ты знаешь, сколько мне выплачивают на булавки по его Высочайшему распоряжению? Сто тридцать рублей! И до совершеннолетия – даже червонца не прибавят! И вот, когда мне начинают идти заказы, ты не хочешь помочь мне себя достойно показать...

Я уже чувствовала, что Леру не остановить, и мысленно выбирала наименьшее зло. Лучше уж к Святому Бонифацию... Там совсем маленький приход.

...К восьми утра Лера выпрыгнула на перекрестке из трамвая. (Автомобиля с гербом и шофером ей, само собой, до совершеннолетия не полагается). Я критически оглядела это несносное существо с головы до пят. Более-менее. Свою главную примету, две великолепных светло-каштановых косы, доходящие до не скажу чего, она постаралась спрятать. Забрала волосы в греческий узел на затылке. Да, так облик совсем другой. Вместо обычных своих штанов цвета хаки надела темненькую-скромненькую юбку с такой же блузкой, на голову накинула кружевную мантилью. Совсем другая девушка. Глядишь и сойдет.

С Лерой я всегда чувствую себя до омерзения взрослой. Не самое приятное, надо признаться, ощущение. Это *меня* все обыкновенно рвутся опекать. Но и на старуху бывает проруха, что поделаешь.

Мысли в голове вертелись не самые воскресные. И с самого начала все пошло неладно. И народу набралось больше, чем я рассчитывала, и незнакомых лиц многовато. Ох, только бы никто не оказался засланным газетчиком! Вероятность небольшая, но... к чему, например, несколько раз обернулся на нас какой-то господин, незнакомый, примерно моих лет. На нас? Нет, на Леру, вне сомнения.

Я пригляделась внимательнее. Так ли сей незнаком? Где-то я его видела... Немного выше среднего роста, каштановые, с рыжиной, волосы на косой пробор, подбородок волевой, как у синемаатографического героя... Быть может, просто типаж, встречавшийся в фильмах? Нет, я видела именно его, но никак не могу вспомнить, где... Одет просто, не в визитке, серый костюм-тройка. Но костюм сидит безупречно, галстук – галстук просто выше всяких похвал. Ну все, довольно!

Мальчик-министрант лет двенадцати, надутый от важности, изо всех сил зазвонил колокольчиком. Я уткнулась в свой миссал. Впрочем, еще вчера было ясно, что с молитвенной жизнью дело будет обстоять самым плачевным образом, коли ты подрядилась в бонны к сумасбродной девице. Я заранее решила, что к причастию не подойду. Ох, Лера...

Я забыла б о рыжеватом красавце в баснословном галстуке, но на выходе мы столкнулись к ним нос к носу у чаши-раковины со святой водой. Он хотел было опустить руку, но благовоспитанно замешкался, пропуская нас вперед. Я перекрестилась, и тут вышла заминка. Красавчик продолжал вежливо стоять, выжидая, пока ладонь обмакнет Лера. Она ярко вспыхнула и покачала головой. Внимательный взгляд, затем корректный кивок, замечающий в церкви полупоклон, и он перекрестился сам. При этом сверкнул, в каплях воды, тяжелый перстень с очень крупным овальным хризолитом.

Хуже просто некуда. Я даже под локоток ее не могла подхватить, чтоб побыстрее вытащить наружу.

– Ну и как? Впечатления получены, надеюсь? – мрачно спросила я уже на улице.

– Что? – Она отчего-то не поняла моего вопроса. – Нелли, а ты знаешь того господина?

Понадеюсь, что она об этом завтра забудет, но если ей захочется еще «эстетического ряда», то с меня довольно. Не следовало идти на поводу, и глупо, и рискованно, и вовсе незачем.

Да никак в окне уже ночь и огни Николаевского вокзала?

И дождичек накрапывает.

На платформе я забралась в телефонную будку.

– Нелли? – Низкий Наташин голос улыбнулся в трубке. – Вы прибыли на гульбище политиканов?

– О, нет. Пусть их гуляют без меня. Я просто так прибыла. Праздно.

– А родители разве в Москве?

– Пользуются последними днями лета. В Бусинках, конечно.

– Так вы в пустую квартиру? Там, поди, ни хлеба, ни молока. Лучше приезжайте ко мне. Я вам пирожок испеку.

Наташины пироги не чрезмерно вкусны, но я подпрыгнула в будке выше головы.

Глава II Мой добрый демон

Таксомотор домчал меня до дома со зловещим номером тринадцать по Большому Калужскому тракту за полчаса. К ночи-то на дорогах свободно.

Наташа открыла мне сама. Впрочем, больше было и некому, разве что научился бы эрдельтерьер Кирби. Прислуга у Альбрехтов-Черновых только приходящая. Одиночество кузина любит, пожалуй, больше всего на свете. Сейчас, когда Юрий с ребенком путешествует на яхте в верховьях Волги, она наслаждается им в полной мере.

Итак, Наташа отворила мне дверь, и я вновь увидела ее словно в первый раз в жизни. Какой на сей раз она предстала?

Босая, как она иногда любит ходить, в каких-то стареньких светлых бриджах и мужской рубашке в клетку. С падающими на плечи недлинными и негустыми темно-русыми волосами. В очках, которые она носит, как полумаску на балу. Очки скрывают ее взгляд и, кстати, правильно делают. Очень уж этот взгляд необычен. Наташе тридцать седьмой год, но фигура у нее девичья. С оговоркой, разумеется, что далеко не каждая девица похвалится подобной фигурой. Что же до лица... Наташино лицо похоже на очень старый портрет очень юной девушки. Прибавить к сказанному я ничего не могу.

– Ну так что, будем безобразничать противу этикета? Раз уж я пеку пирог, то сядем на кухне. Станем слушать, как бьется раскаленное каменное сердце дома и греть озябшие руки.

Раскаленное сердце дома, это, конечно, все лишь газовая плита, а отнюдь не русская печка, в скучные времена мы живем. Но сидеть на кухне все равно уютно, особенно если включить помимо плиты воображение.

Пирог оказался с брынзой, плоский и немного чересчур солёный. Я предположила, что кусок брынзы был единственным, что нашлось у Наташи в холодильном шкафу для начинки. Одна она мало, что ест, ей были бы три вещи: чай, тростниковый сахар и лимоны.

– Кирби тоже блистает отсутствием?

– Ну конечно, при Юре. То-то собаке радости – по заводям носиться.

Чай явился следом за пирогом, крепко заваренный в цветном мейсоне. Очень крепко, невзирая на поздний час. Мы ведь собрались разговоры разговаривать.

Я очень люблю Наташину квартиру. Люблю эту смешную кухню. Когда ребенку Елизавете (в домашнем кругу Гуньке) было три года, стены расписал по ее желанию их приятель, художник Евгений Морщев. «Что нарисовать здесь?» спрашивали взрослые. «Здесь рыбку!» – отвечало дитя. – «А здесь – птичку!» И появлялись то волшебный кит, то ворона в шляпе. Над кухонным столом Евгений изобразил целую картину в примитивистском стиле – семейный портрет: Юрий и Наташа, в виде мещан, сидящих на лавочке посреди палисадника с мальвами и подсолнухами, Гунька, летающая над ними на воздушном шарике, исполненный важности медалист Кирби, кошка Груша.

А после веселой кухни так неожиданно попасть в Наташин строгий кабинет, обставленный чиппендейлом, обтянутый темным шелком. Единственное светлое пятно – старинный китайский шелковый гобелен с тремя серебристыми драконами.

«В пять лет мы с двумя соседскими мальчиками любили придумывать истории про этих драконов, – обмолвилась как-то Наташа. – Кстати, оба эти мальчика покончили с собой, когда выросли».

Все у нее так.

– Ну и как предденьеорожденское настроение? – Наташа, как всегда, положила в чай несколько ложек темного сахара. – Хандрите, небось?

– Мне исполнится двадцать четыре года. И голоса, что пора замуж и прочее, зазвучат еще громче.

– Как полагаете отбиваться?

– Да всё так же. Отшучиваться, что католик, как минер, ошибается только один раз. Ах, друг мой, скажите: я распутаю когда-нибудь этот узел?

– Не раньше, чем будете к тому готовы. Не позволяйте на себя давить. Правильные решения не тащат за хвост, они приходят сами. Но не о том сейчас речь. Нелли, что – опять?

Я молча извлекла из сумочки листок бумаги.

Туман на аллею ложится,

К балкону взбирается хмель.

...Мне комната тесная снится,

Мне бедная снится постель.

Болезни зловещие меты:

Лекарства и смятость белья...

Полгода я знаю, что где-то

К постели прикована я.

Полгода мне душно и тесно,

Откуда же тянется нить?

Больна, и бедна, и неизвестна —

Хоть день я смогла бы прожить?!

И медлю я, стоя над садом...

О, нет, о, конечно же, **нет!**

...Сквозит по чугунным оградкам

Луны убывающий свет.

Давно моя спальня готова,

Был весел и полон мой день.

Зачем я шепчу это снова:

К чему майской зелени тень,

К чему мне закат над рекою

И ивовой заводи вид,

Когда отдаленной тоскою

Мой сон непонятный звучит?

– Стихи неплохи, хотя, признаюсь прямо, что у вас есть и получше. – Наташа все медлила выпустить листок из руки. – Но мы ведь не о художественных достоинствах сейчас говорим. Нелли, скажите... А вам в этих стихах – столько же лет, как сейчас?

– Не задумывалась... Нет. Я года на три старше. Потому, что сейчас я – очень счастлива. Там. Счастливее, чем сейчас здесь. В конце лета 1984 года я безумно и сумасшедше счастлива. Где-то. Знать бы только где, Ольга. Не иначе, в пределах собственного больного мозга.

– Как вы меня сейчас называли, Нелли? – быстро переспросила Наташа.

– Ольгой... Мне почему-то показалось, что вас так зовут. На мгновение. Сами видите, пора сдаваться психиатрам, покуда таких милых оговорок не начали замечать чужие люди.

– Если бы психиатрия могла здесь помочь, я первая подыскала бы хорошего врача.

– Случай столь безнадежен? – я улыбнулась, надеясь, что улыбка получилась не слишком кривой.

– Абсолютно здоровый мозг всегда безнадежен в рассуждении психиатрической помощи. Вы ешьте пирог, Нелли. Он, конечно, солоноват, но напрасно я его, что ли, пекла?

– Наташа... Я помню, вы говорили в прошлый раз, будто в самом деле думаете, что все это существует. Но мое сознание отказывается это вмещать. Мне страшно. Мне неприятно в этом сознаваться вам, вы-то ничего не боитесь...

– Ничего не боится только наш граф Роман. Но, как я уже не раз упоминала, это скорее изъязн психики, чем доблесть. Испытывать страх – нормально. Но чего именно вы страшитесь, Нелли?

– Наташенька, я туда – **не хочу**. Тот мир, это какая-то невыносимая дисгармония, какое-то надругательство над родом человеческим. Видит Бог, вокруг нас много зла. Но это – другое, совсем другое.

– Как интересно... Два потока в Реке Зла. Так учит один крошечный народ, вовсе крошечный, я даже думаю, вы догадываетесь, какой. Зло мыслимое и Зло невыносимое...

– Догадываюсь. Но... Я совершенно измучилась за эти полгода. То сны, то тени... И они сгущаются. Я боюсь того, что этот мир просто втянет меня, как воронка.

– Нелли, ох, Нелли... – Наташа положила в чай еще одну полную, с горкой, ложку коричневого песка. – Уж не знаю, пораду ли я вас своим предположением, но вас туда не может затянуть.

– Порадуете.

– Да как сказать. Видите ли... Вы **уже** там, Нелли. Давно. Не только вы, все мы там. Просто мы этого не ощущаем. А вы... Вы живете на сквозняке.

– Проживать одновременно две жизни? – В моей чашке попалась очень длинная чайинка. Нянька говорила, что такие чайинки – «к обновке». В самом, что ли, деле, пройтись по магазинам, купить хоть бы сумочку. Что ж мне еще остается? – Возможно ли такое?

– Отчего нет? Боюсь только, что там вы немножко изранены. – Наташа говорила совершенно серьезно. – Только отблеск, только тени, от незримого очами. Помните пещеру Платона? Откуда нам знать, быть может, жизнью куда больше двух.

– Хоть больше ста, лишь бы мне жить своей собственной! Наташа, этот сквозняк делается для меня слишком силен. Уже многие замечают, что со мной что-то происходит. Я представления не имею, как с этим быть.

– Я могу ошибаться, да и вообще мы гадаем на кофейной гуще. Точнее – на чайинках. Но мне кажется, что ваши сны и тени не могут сгущаться бесконечно. Должна быть верхняя точка. После дверь закроется – потихоньку или сразу. А раз уж мы ничего не можем поделать, чтобы развеять ваши грезы, то давайте с ними как-нибудь интересно-интересно поработаем.

Наташины глаза весело блеснули за стеклами очков. Мне сделалось легче. Она все и всегда может оборотить в игру.

– Давайте вы будете... Ну, к примеру, разведчиком в том мире. Попробуйте о нем побольше узнать. Это враждебный, это черный мир, но – тем более необходимо его исследовать.

– Разведчик не исследует просто так. Перед ним ставят четко определенные задачи.

– Ну хотите, я вам поставлю определенную задачу?

– Хочу. – Я ощутила, что в игру втягиваюсь. На душе ощутимо полегчало.

– Гмм... Сейчас. – Наташа задумалась. – Вот что. А попробуйте-ка для начала понять, когда произошел расщеп.

– Расщеп?

– В прошлом этого мира – в нем есть что-то общее с нашим прошлым? Судя по всему – да. События, исторические вехи, личности... Так вот – когда наше прошлое одинаково, а с какого момента начинает различаться?

– Попытаюсь... Это же всё кусочки, обрывки...

– Так разведчик и трудится над кусочками, над обрывками. О, однако мы засиделись, Нелли.

Ночь в окнах и вправду уже таяла, словно кто-то потихоньку разбавлял чернила водой.

– У меня разгром в гостевой комнате. – Наташа поднялась. – Я постелила вам в детской. Пусть тамошние сны вам сегодня и снятся, Нелли.

Глава III Знакомый незнакомец

Вместо Наташи я обнаружила утром прислоненную к чайнику записку.

«Думала было с Вами еще поболтать, Нелли, но у меня случилось землетрясение. Том переписки Гумилева с д'Ануцио почти сверстан, и тут архивисты обнаруживают еще два письма! Где они их раньше держали?! Сажусь на метлу и лечу в редакцию. Пожелайте мне никого не убить. Ключ в дверях, когда будете его отдавать консьержке, попросите заодно, чтобы все яблоки, которые мне пришлют добрые люди, поставила до вечера у себя. Надеюсь, что Вы найдете к завтраку что-нибудь, кроме плюшек. Впрочем, не уверена. PS. Кстати, знаете ли Вы, что граф Роман скоро будет в России?»

Кстати... Ну да, ну да. Или некстати.

Отгнав эту мысль, я полезла в холодильный шкаф. Ничего там, разумеется, не обнаружилось, кроме бутылки молока и пакета лимонов. Зато маленькую корзинку филипповской сдобы Наташа успела принять раньше, чем вышла из дому. (Крепко же я спала, что не слышала звонка рассыльного! Видимо, мне и в самом деле снились детские сны, хотя ровным счетом ничего не помню).

Заваренный Наташей чай еще даже не остыл. Съев маковую булочку, я засобиралась восвояси.

От Наташиного дома до моего – пятнадцать минут пешком по Калужскому тракту. Я люблю Калужский тракт, может быть просто потому, что я в этих краях выросла. Снобы, которые признают жизнь «только внутри Садового кольца», морщат на него нос. В самом деле, старинным домам тут взяться неоткуда, Калужская дорога застраивалась в пятидесятых годах и позже, раньше тут вовсе лес был и лоси пугались свежих котлованов и строительной техники, так родители рассказывали. Но дома тут у нас выстроены очень приятные, светлого кирпича, с просторными высокими квартирами, с эркерами, в том популярном в новой Москве стиле, что скучно зовется «вторичным шехтелем». Разнообразия добавляют здания научно-исследовательских учреждений, все в духе неоклассицизма. Кроме того – рядом с нами и Нескучный сад, и Воробьевы горы, ну что может быть лучше?

А самое лучшее (об этом я подумала, как обычно покупая две белых розы у цветочницы) это маленькая площадь перед Институтом Морских Исследований, что вовсе уж от меня в двух шагах, мое, сугубо мое везение.

Памятник перед институтом был установлен, когда мне сровнялось десять лет. Я этот день хорошо помню. Мало того, что нас освободили от уроков, что само по себе замечательно. Но я уже достаточно прочла и поняла в том возрасте, если без шуток. А самое главное – к нам нарочно приехал в гости из Перми дедушка Михаил Гаврилович. Точнее сказать, не дедушка, а двоюродный дед, младший брат деда Константина Гавриловича, умершего за пятнадцать лет до моего рождения. Но, простоты ради, все одно дедушка. Михаила Гавриловича я видела в последний раз в жизни. По сути – и в первый, потому, что перед этим была у него в Перми шестилетней, а это глаза не умные. Сухой и легкий от старости – он стоял на церемонии прямо и неподвижно, словно и сам был металлическим. А я все смотрела во все глаза на его малахитово-золотой крест «Освобождение Сибири» II степени.

...Светлейший Князь Александр Васильевич Колчак-Рифейский запечатлен не воином, а ученым. Три настоящих якоря подпирают постамент, а стоит Адмирал словно бы на капитанском мостике. И это очень правильно. Именно таким и должен быть памятник тому, кто жесткой рукой провел страну через десять лет необходимой диктатуры, а потом, когда перестало штормить, сложил с себя все властные полномочия, воротился в науку.

Есть памятники князю и в Омске, и в Перми, но наш – лучший. Так, во всяком случае, в очередной раз подумала я, кладя свои цветы.

Но от мыслей о Колчаке обратимся мыслями к всей эпохе. Продолжают ли газеты писать о некоем молодом литераторе, выпустившем свой первый роман? Или злые газетчики нашли тему поострее? Например – эти скучнейшие толки о том, что в космос можно отправить не только собак, но уже и человека. Какие-то интервью с великими мужами науки, много последнее время подобных вещей публикуется. Только отвлекают читающий люд от действительно важных новостей, вот, что я на это скажу.

Вот незадача! Газетный киоск на углу закрыт. Что-то я найду в почтовом ящике, конечно, но картины не составлю. Родители – сущие минималисты в рассуждении прессы.

Идти до следующего киоска? Проще заглянуть здесь же в кафе «Монплеzir», там всегда подадут свежую газету, могут и продать, если нужно.

Уютное маленькое кафе, с картинками из жизни антропоморфных кошек на стенах. Кошки катаются в кабриолетах и на лодочках, щеголяют нарядами от кутюр, пишут письма и даже (когтистыми беспальными лапками) играют на струнных музыкальных инструментах. Последнее, по-моему, чересчур.

Симпатичная официантка с рыженьким конским хвостиком (похоже, студентка) приняла у меня заказ. Памятуя о том, что Москва повсеместно встречает меня пустыми холодильными шкапами, я взяла непостное меню, заказала гренки с маслом, шевр и бокал птисабли. И, конечно, попросила всю подборку газет.

Есть о чем подумать, пока не принесли газеты. Едва ли я полностью поверила Наташе с ее, как всегда, парадоксальной версией происхождения. Но главное, что душа моя ей поверила безусловно: уж лучше весело играть со своим безумием, чем с омерзением тащиться у него на поводу. Что же, поиграем. Если мне, к примеру, все время чудится, что Петербургские костел святого Казимира и костел святого Бонифация лежат в руинах, из этого кошмара можно сделать вывод: когда-то и в *том* мире все эти храмы были, во всяком случае, построены. Значит, жизнь «расщепилась» после возведения этих зданий, а они никак не древние. Надо поглядеть на даты. Хоть что-то я буду наверное знать. Разведчик работает с обрывками...

– Госпожа Чудинова, если не ошибаюсь? Мы были друг другу представлены на Большом приеме в Зимнем дворце.

У меня плохая намять на лица («лицевая амнезия», как определяет это Наташа), но по представленной моим глазам подсказке не опознать собеседника было почти невозможно. Все же на московских улицах довольно сложно встретить человека в кипе. А у незнакомца, подошедшего к моему столику, высокого и широкоплечего, моего ровесника, на светло-русых густых волосах сидела черная кипа. Так ловко сидела, что его невозможно было представить без нее.

Так что в незнакомцы я его записала напрасно.

– Господин Эскин? Удивительная встреча. Вы кого-нибудь ждете, или желали бы составить мне компанию?

– Нет, никого. Я был рядом на радиостанции, страшно устал и голоден. Почту за честь сесть с вами, дабы чего-нибудь перекусить.

С этими словами Эскин действительно сел. А я в эту же минуту поняла, что мы разговариваем по-русски. При первом-то знакомстве мы, разумеется, говорили на французском языке, как предусматривает при общении с иностранцами протокол.

– Так вы знаете русский язык?

– Мне очень нравится русская литература. Кстати, мой дед был родом из России, быть может, это какие-то наследственные симпатические токи. У меня довольно приличные способности к языкам. Поэтому русский язык я выучил для собственного удовольствия, между делом. Чему сейчас весьма радуюсь, ибо дела велят бывать в России довольно часто.

– Неужели вы приехали на конференцию по Мальтийскому Инциденту? Событие, конечно, серьезное, но ведь двадцать лет прошло. Это так важно?

Почему-то мне показалось, что Эскин обернулся к официантке не без удовольствия, что та кстати подошла. Почему ему не хочется отвечать на такой простой вопрос? Или мне почудилось? Впрочем, увидим, как только он сделает заказ.

– Приготовьте мне, пожалуй, крошки. Только не кладите ничего мясного. Пусть будут только овощи и сметана. А затем – гречневой каши с белыми грибами. И бокал красного грузинского вина. Хванчкары, к примеру. А далее видно будет.

Эскин теперь оборотился ко мне.

– Прошу прощения за мой неприличный аппетит. По мне лучше наколоть дров, чем общаться с журналистами. Невероятно выматывающее времяпрепровождение. Кстати, гос-пожа Чудинова, я читаю вашу книгу. Ту, что сейчас вышла. «Хранитель анка».

– Других книг у меня и нету, – я улыбнулась. – Многие без того говорят, что я рановато дебютировала в роли прозаика. И бранят за всякого рода неуклюжесть.

Итак, о цели приезда в Россию ему беседовать не с руки. Он не просто переменил тему разговора, воспользовавшись помехой, но и направил беседу в заведомо приятное для меня русло. Ладно, не очень-то и хотелось.

– Прочел почти до конца. Страниц пятьдесят осталось.

– Ну и как вам сие чтение?

За окном пробежал по улице посыльный, ловко удерживая в руках разом три нарядных корзины с яблоками. Да, Москва празднует Яблоневый Спас всегда на широкую ногу. В этот день вместо визитных карточек все шлют друг другу яблоки. Верней сказать – шлют яблоки вместе с визитными карточками, конечно. В этом милом обычае принимают участие все – хоть инославные, хоть вовсе неверующие. А вот меня на сей раз не встретит дома яблочное благоухание. Все знают, что родители в имении, и никто не знает, что я приехала. Даже грустно немножко.

– Весьма увлекательно. – Серо-голубые глаза Эскина сделались серьезны. – Мне, как еврею, не было, конечно, приятным читать о том, сколько евреев числилось в комиссарах. Вы подняли немало фактического материала.

– Что поделаешь. – Уж я-то взгляда не отвела. – Ровно такой процент был в Чеке, как у меня и написано... А уж комиссары на фронтах... Те были евреями почти сплошь. Правда бывает порой не для всех приятна. На то она и правда.

– Но *вся ли* это правда? – Эскин кинул взгляд на барную стойку. – Любопытно, есть ли у них лицензия на продажу табака?

– Вы курите? – У меня вдруг опять тревожно защемило сердце. Нет, не надо! Сейчас он просто скажет «да, курю», а совсем не то, чего я сейчас жду...

– Скорее – нет. Изредка, за бокалом...

– ... и в хорошей компании. – Я вытащила из сумочки уже вторую неделю залежавшуюся там коробочку. Сходить с ума, так весело, как и было решено. – Ничего, что слишком дамские, тонкие?

– Я такие и люблю. Хотя это и не очень воинственно.

Мы рассмеялись и прикурили от поднесенной девушкой свечи.

– Так вот, о полноте правды. Был ли евреем Александр Герцен? Максим Горький? Декабристы? Что бы ни делали евреи, но чего б они добились, когда бы ваша собственная интеллигенция ни разложила страну изнутри? Кто помешал Юденичу взять в первый раз Константинополь? Ваше собственное Временное правительство. Революции предшествовало колоссальное внутреннее разложение общества.

– Но оправдываете ли вы еврейских комиссаров? – Я напряглась.

– Ни на волос, – отчеканил Эскин. – Живи я тогда, сражался бы за белых. Но мне кажется, причина падения наших народов совершенно очевидна.

– То есть? – спросила я, когда перед нами расставили тарелки.

– Отпадение от религии.

– «Если Бога нет, то все можно»? – я невесело усмехнулась.

– Если угодно, так. Начинаются всяческие **прогрессивные** веяния, молодым евреям хочется встроиться в жизнь русского общества. Но обращение в православие носит формальный характер, дабы не сказать хуже. В русском-то обществе безрелигиозность тоже считается в ту пору хорошим тоном. Безрелигиозна вся образованная среда... Хуже всех делаются те, кто оторвался от своей веры, не обретя чужой. У каждого народа – свои отбросы. Я бы хотел, чтобы о моем народе судили не по бомбистам и комиссарам, а по тем любопудрам, что занимались тогда в России сложнейшей духовной работой. Но они-то были – не на виду. Как всегда и происходит.

– Так книга-то вам нравится?

– Нравится. Но там ведь все останутся живы? В конце? Признайтесь заранее, поберегите нервы хотя бы одному читателю.

– Отвечаю «да», дабы побережь нежные нервы военного министра. Как вы стали министром в такие молодые лета, господин Эскин?

– Был учтен мой опыт работы в ЮАР. – Эскин улыбнулся. – И он в самом деле полезен.

– Не все в восторге от вашей роли в цементировании апартеида.

– Я знаю. Вы удивитесь, вероятно, если услышите от меня: апартеид это зло. Но это зло – меньшее из возможного. Если бы вы видели положение вещей изнутри... Я не могу передать вам своей уверенности в том, что, рухну апартеид, зло возрастет стократно. Пострадает не только белое население, о котором наши либералы не думают вовсе, но также и столь любимое ими черное. Все скатится в хаос.

– Вы верите в концепцию Циолковского о внеисторических народах?

– Это теория. В политике я практик. У меня есть иные сферы приложения для теоретических размышлений.

Ну да, Каббала, к примеру. Осторожнее, Нелли! Ты слышала – он еще и настоящий колдун. До тебя ведь доходили слухи... Весь Израиль знает, что он устроил двоим своим политическим противникам магический огненный удар, называемый «пульса денура». Он объявлял, что противник умрет. Заранее, за определенный срок. И оба его противника действительно умерли. В назначенное им время. Осторожнее, Нелли! Прав он или нет насчет апартеида, но уж колдун он несомненный. Он ворожил ночью на кладбище. Он колдун, невзирая на его добрую улыбку и твое странное чувство, будто вы знакомы сто лет. А честным католикам надо поосторожнее с колдунами.

– Вам нравится ЮАР, вероятно?

– Я люблю эту страну. Этих бодрых столетних стариков, эту странную природу, эти великолепные современные города... А люди... Я б охарактеризовал их прежде всего словами «кристальная честность». Вам не все в них, подозреваю, понравилось бы... Очень патриархальный уклад. Девочки, эти беловолосые малютки от горшка два вершка, уже хлопочут по дому в передничках, несут папе попробовать, хорошо ль состряпали какие-то колбаски. Папа отведал, похвалил, потрепал по щечке – они и сияют. Хранительницы очага, завтрашивание. Но вместе с тем ни тени ощущения, что женщины менее уважаемы, чем мужчины. Это нам не исламский мир. Мнение женщины важно во всех серьезных вопросах. И благочестие семьи держится именно на женщинах. Представьте... Пять часов утра, я, в гостях в одном загородном имении, случайно поднялся чуть свет... Смотрю, хозяйка дома, уже строго так одетая, прибранная, вышла на открытую галерею: читает домашнюю Библию. Смотрю – читает час, читает полтора... И в течение дня она десять раз упомянет мужу о том, что

сегодня с утра прочла, и все будет мудро и кстати. Но я могу часами рассказывать об этой стране, не обессудьте, Елена! – Эскин осекся. – Простите! У меня какое-то странное чувство, будто мы где-то и когда-то были знакомы. Что моей вольности, конечно, не оправдывает. Журналисты выпили весь мозг из чаши моего черепа, и ввиду его пустоты я веду себя глупо.

Только слишком умно повествуешь о собственных глупостях. Осторожнее, Нелли... Впрочем... Непонятно отчего, но ты ведь наверное слышишь, что **тебе** этот человек уж в любом случае не враг.

Может статься, и он живет «на сквозняке»? Ведь и в тот раз мне показалось что-то, а сейчас подтвердилось... Но ведь все одно не спросишь.

Мы выкурили еще по сигаретке и обменялись визитными карточками.

– Вы позволите мне расплатиться?

– Если вас не разорит вот эта груда газет...

– Серьезный удар по моему бюджету, но я его стойко перенесу.

Мы рассмеялись. Официантка подбежала со счетом.

– Был несказанно рад поддержать знакомство. – Эскин поднялся вслед за мной. – И да, уж к слову. Вы ведь, вероятно, хотите об этом спросить. Или скоро захотите. Да, это правда, я дважды кое-что сделал. То самое, за что брал на себя ответственность. Но если бы гнев мой оказался несправедлив – вы сейчас разговаривали бы с мертвецом. Впрочем, мертвецы, кажется, и разговаривать-то не умеют.

Глава IV Не самый приятный разговор

Домой я попала в третьем часу пополудни. Яблок в самом деле не обнаружилось. Квартира от этого глядела какой-то грустной. Даже карлики в красных колпачках, буянящие на моих любимых тканых арабесках, и те, казалось, пригорюнились и присмирели. Но о моем приезде знает только Наташа, разбирающаяся сейчас с д'Ануцио и Гумилевым.

Униженная до конца,
Страна, веселием объята,
Короновала мертвеца
В короновании Торквато.
И в дни прекраснейшей войны,
Которой кланяюсь я земно,
К которой завистью полны
И Александр, и Агамемнон...

Не самое сильное стихотворение. Дрянь стихотворение, прямо сказать. Но в этой истории мы благодарим Гумилева, конечно, не за стихи. Два поэта показали себя высочайшей пробы дипломатами, уговорив короля Александра отдать Далмацию Италии. Пожар, способный охватить Балканы, растаскивали по угольку – голыми руками. Да и вообще д'Ануцио, надежный союзник России, сыграл судьбоносную роль в судьбах послевоенного мира. Нам повезло, что он пришел к власти.

Нелли, уж довольно на сегодня истории, а? Просмотри, наконец, эти газеты, что ты все никак не соберешься?

Звонят в дверь, кто-то все-таки прислал яблоки.
– Ты?!

Роман был в черном шлеме, в руке же держал белый – за ремешок.

– Надевай скорей. Погода слишком хороша, чтобы сидеть за книгами.

– В августе по определению не бывает хорошей погоды.

– Я и вижу, что ты хандришь. Можешь надеть куртку для конюшни, различие невелико.

Но куртка все-таки потребуется.

– Э, нет, постой! Все-таки объясни сначала, как ты оказался здесь? Если я правильно помню канву событий, ты смылся из России в Черную Африку, чтобы тебя не выслали на полгода на Дальний Восток? Честно говоря, различие в пользу Дальнего Востока. Впрочем, там, конечно, скучнее.

– Лена, после, после! Все расскажу, только позволь мне вытащить тебя на свежий воздух.

– Хорошо, твоя взяла. – Я извлекла из плакара кожаную куртку, не конюшенную, вопреки совету Романа, но вполне подходящую.

Одеваясь, я не сумела сдержать улыбки. Как давно никто не называл меня этим нелепым уменьшительным именем! Бабка звала меня Елечкой, как и за нею следом няня Тася, для прочего ближнего круга я с детских лет Нелли. Только не для Романа. Скажем спасибо, что Лена, а не Алёна какая-нибудь. Вот уж чего совсем не переносу.

Исполинский мотоцикл «Руссобалт» ждал во дворе, разумеется, собрав вокруг своих блистательных боков стайку восхищенных мальчишек.

Роман сорвался с места, как каскадер.

Москва, Москва... Небольшой ведь, по сути, город для одной из столиц великой Империи. Всего три миллиона человек, да и то часть народа селится не собственно в городе, а во всех этих Останкиных, Бибиревых, Медведковых и прочих уютных одноэтажных при-

городах. Уговорить же провинциала перебраться в Москву – это надо немало каши съесть. Разве что очень уж нужно по роду деятельности. Ну и верно, чем другие города хуже?

Мы мчались сквозь Москву, как ветер. Мы пролетели по Калужскому тракту, миновав прекрасные старинные больничные здания, мы свернули на набережную и, описав неполный круг, воротились на Воробьевы горы.

– Наша скамейка. – Роман снял шлем.

Кто никогда не подошел бы мне в прототипы книжных персонажей, так это Роман Брюс. В жизни не живописала б своим героем златокудрого синеглазого красавца едва ни саженного роста. Я же все-таки не дамские романы пишу, художественная литература должна быть правдоподобной, а не сказочной. Роман же неправдоподобно, сказочно хорош собой. Но еще Тэффи подмечала, что жизнь позволяет себе иной раз такое, чего нипочем не допустит мало-мальски мастеровитый литератор.

Из-за цвета волос нас нередко принимают за брата и сестру, хотя степень родства нашего весьма отдаленна – через Наташу. Я ей троюродная, Роман – четвероюродный с другой совсем стороны. Так что сходства-то на самом деле немного. И глаза у меня серо-зеленые, и волосы не вьются почти. Что же до умопомрачительной красоты, то тут даже рассказывать обидно.

Роман – адаптированный граф Брюс, так это, кажется, называется. Брюсовой магической крови в нем – одна капелька, по женской линии, через Альбрехтов.хлопотать о восстановлении давно ушедшего титула всех вынудила Наташа. «Потому, что этому имени пришлось время ожить», так она изволила выразиться.

Кстати, в отличие от большинства знакомых мне молодых мужчин, Роман не служит. На больших приемах он появляется в партикулярном, опять же – один из немногих. Даже жаль, мундир ему был бы куда как к лицу. Отчасти Роман занят делом, коль скоро отец его Александр Владимирович – магнат сталелитейной промышленности, само собою, что Роман помогает в управлении всем этим концерном. Но дело это идет слишком по накатанным рельсам, чтобы это занимало много времени. Видимо, Роману просто больше по нраву полная воля – возможность в любой миг сорваться в самые экзотические края, поглядеть, не явился ль новый Менелик, к примеру.

– Нашу скамейку кто-то перекрасил в противный серый цвет. – Я тоже села. Мотоцикл отдыхал рядом, будто живой. – Так все же: каким образом ты оказался в Москве? Нелегально? Тебя заберут с полицией, а я попаду в околотов соучастницей преступления?

– Едва ли. Ник даровал мне свое Высочайшее помилование.

– Вот уж напрасно. Как себя чувствует тот бедняга?

– Либеральный цыпленок, которому я продырявил крылышко? – небрежно уточнил Роман, как будто уточнения были нужны. – Не так плохо, как мог бы, имей я более серьезные намеренья. В другой раз подумает, что опубликовать в своей газетёнке.

– А его Ник тоже помиловал?

– А его-то зачем? – Роман приподнял бровь. – Подлечили, и пожалуйста в ссылку.

– Что тут скажешь... А почему ты сейчас приехал в Москву, а не в столицу?

– Так на конференцию по Мальтийскому Инциденту. Ник тоже завтра удостоит посещением.

Это было уже чересчур.

– Складывается впечатление, что я наблюдаю какой-то случай массового помешательства. Российский Император, военный министр Израиля, ты, наконец... Больше я никого не упустила? Или еще кому-то позарез понадобилось обсудить события двадцатилетней давности?

– Может статься, что кое-кого и упустила, – сквозь зубы процедил Роман. – Я бы даже сказал, что в твоём перечне недостает ключевой фигуры.

– Не могу сказать, что меня это особенно печалит. Заседайте, сколько влезет, заговорщики несчастные.

– Ну и зачем ты сидишь в шлеме на таком солнцепёке? – Роман вдруг улыбнулся и принялся бережно, очень бережно расстегивать ремень под моим подбородком. Но почти тут же отдернул руки – будто обжегся.

– Проклятье... Будь оно все неладно!

– Что ты?

– Я – ничего. А ты... Ты все еще **его** любишь.

– Я не знаю.

– Лена, не ври. Дай сигарету, у тебя же есть.

– Ты не куришь.

– С тобой закуришь. – Роман принял коробочку, не коснувшись моих пальцев. – Лена, сколько это может продолжаться? Тебе было тогда девятнадцать лет. Это тянется четыре с лишним года.

– Я тоже умею считать.

– Лена... – Роман поймал мой взгляд. Глаза его были спокойными и совершенно холодными. – Выслушай меня внимательно. Ты помнишь, нас ведь воспитывала Ната. Ревность – подлое чувство. Я его не испытываю. И я думаю сейчас не о себе, ты знаешь, я выживу, даже если ты меня убьешь. Тот поезд еще не ушел. Если ты не можешь без **него**, ты ведь знаешь, какую цену надо заплатить.

– Зачем ты это сказал? – Я пыталась говорить спокойно, но голос мой, несомненно, оказался предателем. – Я не пошла на это, когда было труднее в тысячу раз, когда я проходила через все мыслимые муки. Когда я была младше и слабее. Устою и теперь.

– Коли так – отпусти его. – Подбородок Романа сделался очень жестким. – Я знаю, что тебе советует Ната. Она тебя очень любит, Лена.

– Ну да, любит, как же...

– Ты знаешь, что да. Но я-то сейчас думаю о вас обоих, сколь это ни странно. Впрочем, не странно. Тебя я люблю, но и он – мой друг. Ты его держишь. Ты держишь его своей ненужной любовью. Если не можешь быть с ним вместе – сумей его разлюбить. И перестань покрываться льдом от прикосновения других мужчин только потому, что их руки – не его руки.

– Роман, ты несправедлив!

Странное дело. Некурящий Роман почти без перерыва делал затяжку за затяжкой, меж тем, как мне курить и не хотелось вовсе.

– Ты несправедлив. Мы с ним ведем себя как друзья, я ничем, ни словом, ни взглядом за все это время не дала ему понять иного... Я с ним доброжелательна, весела, спокойна. А ты говоришь, что я его держу.

– Ты в самом деле не понимаешь, что он не женится до тех пор, пока не выйдешь замуж ты? Иначе он все равно будет считать это предательством. Он же у нас рыцарь.

– Зато ты – не очень.

– По счастью, не очень.

Мы еще с половину часа просидели молча. Рябина на склоне уже начала краснеть. Вода в Москва-реке казалась какой-то уже совершенно осенней.

Глава V Высочайшее поручение

С утра меня зачем-то вытянул в Кремль Ник, в самом деле прибывший, как еще вечером сообщила новостная панель, на эту баснословную конференцию.

Что-то в последнее время он каждую неделю мною распоряжается. А я, между тем, вовсе не свитская.

Ник предложил прислать за мною автомобиль. Я было решила сперва подъехать на троллейбусе, но передумала: а пусть его присылает.

Настроение было солнечным, как утро. Тяжелый разговор с Романом как-то за ночь половину тяжести растерял, а кроме того мне двое суток не снилось ровным счетом никаких снов. Почти никаких знаков «оттуда» за два дня, если не считать пары странных моментов в разговоре с Эскиным.

Шофер, извинившись за перегруженность Калужского тракта, повез меня окольным путем, мимо Донского монастыря.

Любимый мой Донской монастырь! Сколько всего с ним связано в моей жизни – еще одна жизнь нужна, чтобы все рассказать.

В четырнадцать лет я набралась, наконец, храбрости пойти ночью 24-го декабря к Северным воротам. Три года набиралась, ибо историю о Проклятом Брюсовом Племяннике, ту, что вошла потом в мой роман «Хранитель анка», впервые услышала от Наташи в одиннадцать лет.

Ох, какая же она была метельная, та ночь! Я вмиг закоченела в своем коротком плащике с отороченным лисицей капюшоном. Надеюсь ли я на что-нибудь? Едва ли. Но я б была не я, не выйди ночью к Северным воротам, на темную, в высоченных сугробах, безлюдную улицу.

Впрочем, кто-то на этой улице все же был. Копался, стоя под фонарем, в снегу.

Мои ноги стали ватными. Я подошла поближе, полагая, надеясь всей до смерти перепуганной душонкой, что получу сейчас какое-нибудь самое банальное объяснение происходящему.

Это был мужчина. Черноволосый. Бородатый. Я упорно шла вперед, останавливаясь после каждого шага.

На мужчине была простая рабочая одежда: дубленый тулуп. Вывернутый наизнанку.

Как же мне хотелось повернуться и убежать – убежать сломя голову! Но я хорошо помнила, какая жалкая судьба ждет того, кто сбежит.

«Вы что-то потеряли, добрый человек?»

Полагалось, конечно, обратиться к Брюсову Племяннику «на ты», но, хоть он и мертвец, хоть он и Брюсов Племянник, а привычка свое взяла.

«Да вишь, девица, какая незадача! – охотно и весело откликнулся персонаж московской демонологии. – Кольцо я свое в сугроб уронил. Никак не могу сыскать. А слуг-то своих я на Ваганьково отдохнуть отпустил. Легко ли мертвому человеку целый день кости ломать?»

На мертвеца Брюсов Племянник, впрочем, совершенно не походил. Говорил красивым сочным баритоном, весело блестел озорными глазами.

Я, конечно, чего уж терять, предложила помощь и долго рылась голыми руками в колющем снегу. Кольцо в конце концов нашлось, золотое, с рубином, чуть-чуть свободное для моего пальца, но не чрезмерно.

Ибо Брюсов Племянник, конечно, честно соблюдал правила игры и сам надел мне перстень на руку, посулив увлекательную и богатую приключениями жизнь.

Сколько всего я вытерпела из-за Брюсова перстня! Дознавались и сердились родители, классная дама выговаривала за дурной тон: золото с большим рубином в четырнадцать лет!

Я отмалчивалась как античная героиня и терпела. И почти не снимала, перстень будто прирос к моей руке. Огорчало одно: камень ни разу не потемнел, предупреждая об опасности. Впрочем, какие были вокруг меня опасности, если вдуматься?

В восемнадцать лет, уже студенткой, я взялась помогать Наташе, страшно переутомленной тогда своими бессонницами, разобраться с тем, что не принято поручать прислуге: архивами, альбомами и прочим таковым.

«Заодно, будьте так добры, отберите, какие камни пора отдавать чистить», – Наташа протянула мне шкатулку сандалового дерева.

Алмазная россыпь звездистой огранки не нуждалась в ювелире, как и окруженный жемчужинками сапфир, похожий цветом на глаза Романа, а вот превосходного реверса александрит явно затуманился снизу. Что же до этих серег с рубинами и такой же броши... Моя рука дрогнула. Серьги и брошь явственно жили в разлуке с неким своим родственником. Я узнала знакомый рисунок. Слишком знакомый рисунок.

Я не подала виду, я добросовестно разобрала содержимое шкатулки. И только воротившись к себе, я упала на кровать и горько разрыдалась.

Мне было восемнадцать лет, я уже умела работать в архивах и была автором небольшой монографии по фалеристике дроздовцев, но я прорыдала часа три.

А ведь если бы не утомительные тогдашние бессонницы, Наташа не допустила бы такой оплошности... Но тогда она ходила вся прозрачная, с огромными тенями под глазами. Вот и промахнулась. Любопытно, кто это, собственно, был: профессиональный ли актер, кто-то из друзей? Неважно, тут она не ошиблась, ибо накладная (как я понимаю) бородача безопасно скрывает любое лицо. Ах, Наташа, Наташа...

Я еще продолжала улыбаться, поднимаясь по лестнице из ревельского камня, сворачивая в «Собственную» половину.

Уже на ней, у дверей в кабинет Ника со мною почти столкнулся некий молодой человек. Да, лица я запоминаю только «в контексте». Зато я прекрасно узнала эти рыжеватые волосы.

Вероятно, узнал меня и незнакомец, ибо помимо четкого поклона позволил себе очень легкую улыбку.

Дальше он направился вниз, я же вошла.

– Кто сейчас у тебя был? – поинтересовалась я. – Это не государственная тайна спросить?

– Это государственная тайна, но ты ведь ее не выдашь? – Ник срубил голову сигарке. – Кеннеди. Джон-младший.

– Сын президента? – спросила я, зная, что американцы не употребляют приставки «экс».

– Он самый. А почему ты спросила?

– Я его встречала в костёле.

– Ах, нелегая! – Ник показался мне раздосадованным. – Ведь просил же я его не высвечиваться в публичных местах. Ну да у него же принцип...

– Если Кеннеди приехал на эту вашу конференцию, так ли важно, видели ли его в церкви?

– Джон не приезжал на конференцию, – ответил Ник. – Конференция, это, строго говоря, ширма, за которой мы его прячем.

Интересная картинка. Велика птица, сын американского президента, вдобавок даже – не президента действующего. Отчего его присутствие в России так важно? Но если ты, друг любезный, полагаешь, что я начну расспрашивать, выражая своим видом все муки любопытства, то совершенно напрасно. Играйте в свои игры, а у меня есть свои.

Меня иное тревожит. Лера явно положила на этого рыжего глаз. Понадеемся, что обойдется, выдавать ее Нику я не намерена. Покуда, во всяком случае. Но остается горячо наде-

яться, что Джон-младший вылетит у нее из головы. Понятно, что мы живем в конце XX столетия, что насильно девиц замуж никто не выдает. Всякая вправе отказаться от предлагаемой партии. Но не всякая вправе составлять партию по своему хотению. Сестра русского царя **не может** выйти замуж за сына президента республики. За простого дворянина – может. Даже не за дворянина, дворянство достойному человеку и пожаловать не сложность. Но мы признаем республики *de facto*, не *de jure*. Христианская страна без предстоятеля – ну извините. Поэтому с представителями властей, которых мы в своем кругу называем не иначе, чем «тварями дьявола», возможен лишь деловой разговор. Мы с ними **не роднимся**.

Слишком дорогую цену мы платили первые тридцать лет нашего века, века Реставрации, как его называют. Кеннеди – допустим, достойнейшие люди. Но есть вещи, которых делать нельзя. Лера, Бога ради, забудь ты об этом!

– О чем ты задумалась, Нелли?

– Пустое. Верноподданнейше внимаю, зачем я тебе понадобилась.

– Ты позволишь?

– Кури, конечно.

Прежде, чем заговорить, Ник склонился над свечой, а затем выпустил пару красивых колечек, нанизав в воздухе одно на другое.

– Ты хотела вернуться в Санкт-Петербург на днях?

– Да, предполагаю завтра. Я ведь еще, если ты не забыл, жду новостей о конклаве, который может начаться в любой день.

– Но куда ведь не начался? Если что, я тебя в любую минуту отправлю в Рим казенным бортом. Но сейчас я бы очень попросил тебя задержаться на неделю в Москве. Видишь ли, возможно мне потребуются справки историка. По твоему периоду.

– Помилуй! – Я не сумела сдержать удивления. – В пятнадцати минутах на автомобиле от тебя стоит огромный Институт Истории. Построенный, уж замечу к слову, у Чумного кладбища, ровно там, где чуть позже палили из пушки пеплом Лжедмитрия. Из одной из пушек, точнее. До сих пор гадаю, у кого из архитекторов было столь своеобразное чувство юмора. Так или иначе, а в сем огромном здании сидит превеликое количество убеленных сединами мужей признанных научных заслуг. Все в чинах и орденах, все мировые знаменитости. Высылай запросы – у тебя есть приоритет, всё мгновенно разбросают по узким специалистам, и те тут же приступят к делу. Зачем тебе молодой историк, который, вдобавок, стремительно бежит от науки в литературу?

– Видишь ли... Институт Истории в определенном смысле лучше тебя, – Ник нахмурился. – Но Институт состоит из большого количества самых разных людей, каждый из которых встроен в собственную систему знакомств. А ты – это одно частное лицо, которое я могу лично попросить, чтобы темы моих интересов остались в секрете. Даже если ты провозишься со справками дольше, либо они выйдут менее полны.

– Все так серьезно?

– Сколько лет Людовику Двадцатому, Нелли? – вместо ответа спросил Ник.

– Семь, – сказала я то, что было превосходно известно нам обоим.

– А тебе не кажется, что этот малютка как-то уж слишком явно повторяет мою судьбу? Есть пример и похуже, хотя слово «хуже» я употребляю здесь в совершенно киническом значении. Но тем не менее. В практическом смысле – гибель детей нежелательнее гибели родителей. Ты ведь не можешь не помнить, что король Болеслав, а он тремя годами старше меня, не должен был наследовать. Но его старший брат поехал покататься на горных лыжах... Не знаю, известно ли тебе, но ведь и принц Болеслав намеревался составить брату компанию, но провалил экзамен и вынужден был сократить свои каникулы. Он уцелел лишь случайно.

– Да. Несчастные случаи. Авиационная катастрофа, автомобильная катастрофа, сход лавины... Каждый случай предельно убедителен, но их подозрительно много.

При этих словах Ника я вдруг, словно впервые увидела, обратила внимание на его серую преображенскую тужурку. Погоны-то – без вензелей. Нет у Ника вензелей на погонах. Тоска прозвенела в душе как короткая музыкальная тема.

– Возвращаю тебе твои давние слова, Нелли. Мы живем в мире, который чуть было не рухнул в бездну. И бездна еще дышит. – Ник переложил на столе какую-то книгу, мне не было видно, какую. – Ты, я думаю, догадываешься, сколь тщательно охраняют Леру. Я уважаю ее личную свободу, мне о ее передвижениях и встречах не докладывают. Но есть люди, которым известен каждый ее шаг.

С Леры мои мысли сами собой невольно перескочили на младшего Джона.

– Странно, уж говоря о Кеннеди, раз он у тебя в гостях. На них ведь тоже покушаются. Только не так церемонятся. С ними действуют грубее.

– Ну да, каждому школьнику известно, кто дважды покушался на Джона-старшего и один раз – на Роберта. Покушение в Далласе – это просто чудо, каким образом все обошлось. Настоящее чудо. Снайперы не промахиваются.

– Ты думаешь, это одни и те же силы, Ник?

– Не непременно. Ты знаешь наш технический термин – Энтропия. Она может создавать самые различные антисистемы.

Я подошла к письменному столу. Да, книга не случайно показалась мне знакомой на вид. Это был потрепанный томик классического труда философа Павла Каштанова – «XX век: развилка трех дорог».

– Неужто перечитываешь? Ты разве не наизусть это вытолмил в школе?

– Нас очень хорошо учили в школе, Нелли. – Ник не поддержал шутки.

Всем известно, что тридцатые и сороковые годы в Российской Империи были годами неслыханного расцвета консервативной мысли. Каштанов, повидавший ужасы революции уже зрелым человеком, написал немалое количество работ, где подверг анализу как саму революцию, так и ее последствия. Но в «Развилке» он размышляет о цивилизационных моделях. Каштанову принадлежит формула, действительно вызубренная нами со школьной скамьи: наша цивилизация способна воплощаться всего лишь в трех формах общественного устройства – монархии, демократии и тирании. Ничего иного не может возникнуть по определению. Единственно монархию он выдвигает в качестве правильной формы, ибо только она направлена к Богу, а не к возвеличиванию человека.

– Полезно перечитать спустя какое-то время, – продолжил Ник. – Я сделался старше, книга проросла новыми смыслами. Он великолепен. Только он подметил, что демократия и тирания в одинаковой мере творят кумиров из людей. Помнишь, на примере похорон?

– Тьфу на тебя.

– Да ладно, мы же не суеверны. Пример между тем выразительный. Умирает монарх, люди грустят, ну, если, конечно, он заслужил грусти, но в стране нет ни паники, ни ощущения катастрофы. Монарх – человек-функция, он замечателен, уж прости, не сам по себе, но как носитель нескольких священных капель на челе, позволяющих ему предстоять за свой народ. Функция передается преемнику. Грустят лишь о человеке, но человек этот – не кумир. Похороны же тирана – это ощущение конца света всеми живущими. Тиран обожествлен. Заменить его нельзя. Даже сама мысль о том не приходит в голову человекопоклонника. Она кажется ему кошунством. И, что самое жуткое, ведь это ощущение конца мира не ложно. Сотворенный тираном мирострой рушится вместе с ним.

– Двадцатый век не увидел картин подобной неправдоподобной массовой скорби.

– По счастью нет. Каштанов иногда дает волю воображению. Но ему веришь.

– А вот я уже повзрослела настолько, чтобы поспорить с Каштановым. – Я засмеялась. – Три формы? А как же Бонапарт? Деспот и помазанный предстоятель в одном лице.

– Ты не повзрослела спорить, а просто давно не перечитывала. Есть глава «Подменные формы». Их Каштанов считает самыми опасными. Демократия под видом монархии, деспотия под видом монархии. Бонапарт – воплощение самой коварной деспотии. Подменной.

– Да, теперь я вспомнила. Но все-таки. Ты вот восхищаешься его параллелью между кумирами деспотии и кумирами демократии. А мне иной раз трудно поверить его воображенным примерам. Ну, представимо ли, что при демократии в XX столетии роль кумиров была бы отведена самым отбросам? Что певичка легкого жанра может быть многократно более знаменитой и богатой, нежели оперная певица? Что газеты будут пристально следить за частной жизнью какой-нибудь вульгарной кривляки, не способной правильно взять три ноты? Возможно ли такое?

– Нечто подобное мы наблюдаем в Америке. Не в тех страшных крайностях, о которых фантазирует Каштанов, конечно.

– Ну, в Америке... Я мало знаю, как там они живут, скучно. Знаю событийную канву, но не быт.

– Это не совсем быт. – Ник продолжал выпускать колечки. Только сейчас я обратила внимание, что у него очень утомленный вид. – Каштанов одним из первых смело произнес то, что витало в воздухе: равенства не существует. Но худшее неравенство – демократическое. Неравенство денежное. Потому он и называет демократию «тельцекратией». Элиты Златого Тельца.

– Ну да, или телецекратия, или, по Достоевскому: «все рабы и в рабстве равны». Или же монархия. Ничего сверх. Хотя все же странно, что именно сейчас ты взялся это перечитывать.

– На то есть причины. Хотел бы рассказать тебе о них, по пока что не стану. Так я могу на тебя рассчитывать?

– Пустой вопрос, Ник. – Я поднялась, поняв, что, пожалуй, заняла собой слишком много его времени. Он встал следом, щелкнул каблуками. – Это уж мир должен перевернуться, чтобы ты не мог рассчитывать на меня.

Глава VI Газеты, письма, телефон...

Наконец-то руки мои дошли до газет, столь любезно подаренных мне Авигдором Эскиным. Напрасно я честолюбиво тревожилась: обо мне продолжали писать.

Меньше, конечно, чем об этом космосе. Случайно начав свой просмотр с либерального «Обличителя» (взятого уж просто до кучи, ибо ясно, что эти обойдут мою особу молчанием) я наткнулась на «космическую» статью модной Джульетты Латыповой. Пишет она противно, но цепко, невольно зацепила парой абзацев и мое внимание.

«Остается непонятным, сколь долго выплачиваемые нами налоги будут уходить на эти бессмысленные исследования, – с обычным своим апломбом разорялась она. – Гимназисту, знакомому с законами физики хотя бы на „удочку“, ясно: единственное, на что способны сопла, это вывести железяку с собачками в стратосферу. Далее эти замечательные реактивные двигатели попросту сгорают от собственной мощности. Выход на орбиту – абсолютная утопия при нынешнем состоянии науки. Только развитие турбовинтовых двигателей, в котором, кстати, нас далеко опережают США, сделает возможным настоящие космические полеты – не в наши дни, конечно, но лет через тридцать-сорок²... Мы же повторим: наши сопла плавают сами себя. Даже те, кто по долгу службы вынужден проявлять публичный энтузиазм, в частных разговорах признают это. Можно себе представить, с каким унынием они в действительности глядят на индикаторы своих лексикографов! Впрочем, если правительство согласится признать эти исследования бесперспективными, некто, чьего имени мы из соображений нашей безопасности не станем здесь называть, воспользуется своим правом такое правительство отозвать. Создается впечатление, что за стоимость игрушек одного мальчика мы продолжим платить еще...»

Я, вне сомнения, ничего не понимаю в космических делах, но такое впечатление, что начертавшая неизъяснимые строки понимает еще меньше... «Индикатор лексикографа», это же надо! Одно непонятно: какое-то время назад с этой дурниной появлялся на людях граф Роман, о чем мне, разумеется, доложило немалое количество доброжелателей. Впрочем, кажется, уж и перестал.

Я выбросила из головы и космос и Латыпову, сосредоточившись на новых рецензиях. Да, обо мне пишут. Не так, чтобы очень много, но и не мало. И «сильным дебютом» назвал сам литературовед Палеевский, и неизвестный мне вредный критик Тулупов подметил мелкие нестыковки в мистической интриге. А я так надеялась, что никто не заметит, как автор немножко запутался, ну, самую малость. Но противнее всех оказалась некая критикесса Ермилкина, которую я тут же от злости мысленно наделила тремя подбородками и глазами навыкате. Ермилкина, пишущая отнюдь не в либеральном «Обличителе», но в самой что ни на есть патриотической газете «Неглинка», пылко обвиняла меня в «упадочничестве».

«Создается впечатление, будто госпожа Чудинова пишет роман посреди победившего совдепа и подвергает себя опасности угодить за него в чекистские застенки».

Гадкая, ох, какая же гадкая... Да, мне временами было очень больно писать «Хранителя анка», быть может, слишком больно. Но почему «упадочничество»?

«Отчего, к примеру, мы не находим в этом произведении счастливых страниц, посвященных вступлению армии в Петроград?»

А что обнаружила вступившая армия в Петрограде, она задумывалась, эта Ермилкина? А вот я читала протоколы обследования дома №2 по Гороховой... Дорого же далось то счастье, чтоб быть «счастливыми».

² Турбовинтовые двигатели в принципе не могут быть пригодны для космоса, поскольку в космосе нет воздуха.

Расстроенная и разозленная, я слонялась по комнатам. Все литераторы самолюбивы, я, понятное дело, не исключение. Так бы и прибила критикессу Ермилкину.

Бросить бы эти рецензии, да уехать в имение, в Бусинки. Редкий шанс увидеть в сборе всю семью. Там и сестра с Ксюшей и Меланией, и родители. Отец, как ему на юбилей вышел чин тайного советника, два года назад, все-таки стал иногда и отдыхать летом.

Бусинки, строго-то говоря, не совсем имение. Куплена земля под Тарусой была, когда мне исполнилось пять лет. Тогда и выстроили дом, в местном стиле, деревянный, со всевозможными разноцветными фантастическими наличниками, балясинами и навесами.

А настоящее наше имение вовсе не наше, под Пермью. Отец ведь – третий из четверых сыновей деда. Земля принадлежит дяде Сергею Константиновичу, после ее унаследует кузен Петя, Петр Сергеевич. Но наше нынешнее земельное законодательство – самое правильное. Из-за постоянных дроблений родовые усадьбы выскальзывают из семей. Поэтому недвижимость передается целостной – старшему наследнику. Зато младшие в семье имеют преимущества в служебном продвижении.

Но мне и Бусинки нравятся, я в них выросла. В них много кустов смородины и берез, а дом выходит верандами на черно-хрустальное широкое течение Оки, далеко вниз, на заводи, поросшие желтыми кувшинками.

Странное место для детских игр, но как же мне нравилось тарусское старое кладбище, тоже парящее высоко над Окой! Могила Борисова-Мусатова: упавший на красный гранит гранитный мальчик. Вокруг цветут дичком розы и шиповник. И на склоне, зажатая двумя уже безымянными могильными холмами, старая скамейка. Сидя на ней можно часами наблюдать великолепную речную панораму: причудливо переплетенные тропинки склона, берег, белый пляжный песок... Над всем этим маленькое солнечное кладбище словно парит. Не представляю погоста более светлого и тихого.

«Пойдем на могилу памятника!» – обыкновенно говорила я, лет трех от роду, подразумевая Борисова-Мусатова. Это надолго сделалось присловьем в семье.

А чуть дальше – но это я сумела оценить позже, в отрочестве – могила Марины Цветаевой, проведшей в Тарусе последние годы жизни. Прекрасный горельеф – легкий профиль, так и кажется, что немножко «в ореоле папиросы»...

Таруса, яблонева, в плетеных заборах, Таруса – яблочная корзина в августе – под ногами лошадей хрустит ковер благоуханной падалицы... А эти овражки, сущее благословение детских игр – то в индейцев, то в англо-бурскую войну...

Уехать в Бусинки, раз уж я – московская пленница?

Чем тут сидеть и Ермилкиных читать...

Нет, нельзя. Далеко. Так что – сидеть мне в московской родительской квартире.

На каминной доске в гостиной – завал неразобранных писем. Польская марка на конверте? Маме, от пани Стасиньской, ее коллеги и хорошей подруги? Нет, мне... От кого бы? Однако!

По счастью нож для писем лежал рядом – а то бы я надорвала конверт руками.

Письмо было от кита журнального дела – Бориса Софроновича Коверды. Писала, правда, его дочь – Наталия Борисовна. Что не удивительно, все-таки сам газетный магнат уж очень немолод. Хотя до сих пор деятелен, в яснейшем разуме. И ведь это невзирая на годы каторги...

Опомнись, Нелли! Какая еще «каторга»?! На какую каторгу мог попасть – да еще на годы – почтенный литературный деятель? Опять «сквозняк»? Ох, а ведь почти на два дня удалось обо всем этом забыть... Не хочу, не хочу об этом сейчас думать, да и неважно, важно, о чем мне пишут! Ну, как и Коверда «упадочничество» обнаружил? Тогда беда.

«...Как Вам, быть может, известно, Елена Петровна, отец еще ребенком оказался свидетелем красного террора, – писала Наталия Борисовна. – Впоследствии его показания

вошли в свидетельства для антибольшевицких процессов. Поэтому особенно дорого показалось ему, что в представительнице юного поколения давние трагические события находят столь живой отклик. Забытая история – повторяющаяся история. Борис Софронович намерен осветить в целом ряде своих журналов Ваш роман, и уже говорил о том с рядом лиц, встретив самый благожелательный интерес. Но предваряя публикации, просит передать Вам наилучшие пожелания, в особенности...»

Вот так-то! Я упала в любимое кресло-качалку, сжимая письмо в руке.

Одобрение Коверды – это вам не фунт изюма! И это почти наверное перевод на польский язык, а там пойдет...

Коверда всю жизнь прожил в Польше. Сперва его семья бежала от красного террора в Вильно, а уж после, когда, сообразно обещанию убиенного Государя, был официально подтвержден выход Польши из состава Российской Империи, они переехали в Варшаву, там Коверда и закончил гимназию, там и начал журналистскую деятельность...

Все-таки, быть может, я написала не самую плохую книгу?

Трель телефонного звонка вырвала меня из самого сладкого и глубокого самолюбования. И зачем? Кому я нужна?!

Нужна я оказалась Лере. И с первых ее слов мои честолюбивые восторги со свистом вылетели из головы.

– Нелли, это было нечестно! Я уверена, ты знала, кто такой Джон! Еще в столице знала, в костёле!

– Так-таки Джон? Может статья, все же мистер Кеннеди?

– Гмм... Ну да, мистер Кеннеди, конечно. – Судя по тому, как прозвучало это «мистер Кеннеди», у меня не осталось тени сомнения, что дошло до «Джона».

– Где ты с ним повстречалась на сей раз?

– В Кремле, в Тайницком саду. Опять случайно. Я сегодня приехала с Ником на Конференцию, то есть не на Конференцию, а на прием для участников. Мне-то эта Конференция к чему?

– И что Кеннеди?

– Да ничего. Я как раз хотела с кем-нибудь поговорить по-английски, ты ведь знаешь, как я его легко забываю... Завтра поедем кататься верхом, я ему покажу Коломенское... Или лучше Царицыно? Он, оказывается, не занят на этих заседаниях. Все заняты, а он нет. Завтрашнее утро у него совершенно свободное!

Я слушала и тихо кипела от злости. Лера – дитя, но американец-то хорош... Что за безответственность? Уж он-то должен понимать, что и к чему. Или – недоразумение?

– Он знает, кто ты такая? Как ты назвалась? И кто, строго говоря, его тебе представил?

– А он сам и представился, он один гулял. То есть, он решил, что дважды видел тебя, со мной и у Ника – стало быть, все-таки, мы не вовсе незнакомы. Ты – общая знакомая, разве нет?

– А как зовут общую знакомую, он имеет представление, этот наглец?

– Представь, да.

Ловок, шельмец. Уточнить, впрочем, не чрезмерно трудно. Даже газеты сейчас мои фотографии печатают. Хотелось бы мне знать другое – о том, кто такая Лера, он узнал до того, как с нею познакомился? Если он искал знакомства именно с Великой Княжной – дело совсем неприглядно. Если же просто запомнил красивую девушку – ну, это еще ладно.

С логикой у Леры как всегда – изумительно в смысле полного изумления собеседника. Сперва корит меня, что я якобы знакома с Кеннеди, после сама же упоминает, что он меня видал всего два раза.

– Валерия, мне это не нравится. К чему могут привести такие прогулки? Ты ведь знаешь, что ты – не про него. Ты это превосходно знаешь.

– Но с какой стати ты делаешь такие далекие выводы, Нелли? Я что, венчаться с ним завтра собралась? Разве нельзя просто, любезно, по хозяйски, показать гостю город? Что в этом-то предосудительного? Ты уж сразу решила, что я в него влюбилась.

Решила, Лерочка, решила. И чем жарче ты это отрицаешь, тем основательнее моя уверенность.

– А Ник знает о твоей хозяйской любезности?

Трубка отозвалась молчанием.

– Алло, Лера? Стало плохо слышно. Так я правильно тебя поняла, что Нику все известно?

– Если ты ему скажешь... Ты знаешь, как это будет называться?

– Знаю. Это будет называться выполнением долга верноподданной.

– Я жалею, что тебе сказала! С чего ты решила, что между нами что-то есть? Это только лишь твои домыслы!

– Надеюсь, что домыслами они и останутся. Я пока промолчу, Лера.

– И увидишь, что была неправа.

– Дай Бог. И уж, кстати, если тобою движет единственно радушие хозяйки, так позови с вами, к примеру, Мишу. Во избежание кривотолков. Заодно и он по-английски поболтает. И Миша наверное не занят на конференции.

– Ну и предложение! Тебе прекрасно известно, что Миша последние полгода сделался совершенно несносен. По-моему правильный образ жизни стал у него идеей фикс. Он только о том и думает, чтобы большее число раз подтянуться на турнике или большее расстояние пробежать.

По чести сказать, тут она права. Великий Князь Михаил, кузен и ровесник Леры, как-то неожиданно превратился из играющего в «новых готиков» поэтического юноши в какого-то заурядного любителя физических упражнений и свежего воздуха. Бросил курить (а какая у него была роскошная машинка для набивания папиросок, с какой великолепной рисовкой он с нею управлялся!), не пьет теперь даже свой любимый прежде сидр... И заделался совершенным молчуном. С ним стало попросту скучновато. Впрочем, в двадцать лет многих довольно резко бросает из стороны в сторону. Поглядим, что будет еще через месяц-другой.

– Верховая езда, в таком случае, самое подходящее занятие для Миши. И он охотно составит вам компанию. А болтать тебе все едино хочется вовсе не с Мишей. Так что его нынешняя молчаливость – не помеха.

– Нет, не хочу. Он все испортит.

– Не стану толочь воду в ступе. Свое мнение я сказала, Лера. Не люблю слушать, не спрашивай.

Она распрощалась, обиженная.

А я все сидела на ампирной танкетке у телефонного аппарата, сжимая ненужную трубку.

Я не хочу, чтобы она повторила мою историю, пусть в иной вариации, но вариации здесь не важны. Важно другое: она ведь не выдержит. Она – не я.

Три с половиной года различия со всеми в нашей компании – сперва детской, потом – отроческой, студенческой. Но как же мы ее баловали! Бегали медленней, чтобы она могла угнаться за нами на коротеньких ножках, таскали на закорках, целовали в синяки. По десять раз объясняли урок, а то и давали списать. Подстраивали под нее планы.

Круглая сирота с четырехмесячного возраста. Это разрывало сердце. Могли ли мы вести себя иначе? Вероятно, должны были. Она живет не по Корнелю, по Расину. Она не знает слова «нет». Что сотворит с ней первое столкновение с этим словом? Лучше б оно произошло в какой угодно иной сфере.

Как уберечь ее сейчас? Остается надеяться на одно: американец прибыл ненадолго. Кстати, надо бы это выяснить осторожно. Магия расстояний действенна – и никакая телефонная связь не укорачивает версты, слагающиеся в мили. Даже если мерить километрами. Только б его нелегкая унесла поскорей, этого Кеннеди!

Мне было тревожно. И, как и следовало ожидать, давно зажившая рана заныла уж слишком сильно.

Глава VII Четыре года назад

Это было лето 1980-го года, мои вторые студенческие каникулы. Все шло так хорошо, как просто не бывает на свете.

Студенчество – особые пять или шесть лет жизни, ни до, ни после ничего похожего ты не переживаешь – с пропетого в первый раз в аудитории «Gaudeamus» до дня торжественного вручения диплома. Освященная традиция позволяет «буршам» жить вне этикета. Помимо того, все – в первый год особенно – немножко шалеют от совместного обучения. В самом деле, это так странно – сидеть за одними партами с молодыми людьми! Но молодые люди не целуют твоей руки, не вскакивают при твоём приближении, перебивают тебя в спорах. Все это можно, все это не нами заведено. Мы не юноши и не девушки, мы «бурши». Можно заявляться в гости без предупреждения, можно подавать еду в ненагретых тарелках. А то и вовсе в бумажных фунтиках.

Увы, после защиты магистерской диссертации ты теряешь какое-то неписаное право на этот стиль жизни. Впрочем, не всю же жизнь жевать на улицах бутерброды. Но тогда я наслаждалась вовсю.

К тому лету мои стипендиальные обстоятельства позволили мне воплотить мечту всякого нормального студюозуса – выпорхнуть из родительского гнезда. Я сняла студию в Брюсовом переулке, ну да, разумеется, в Брюсовом, хотя бы ради того, чтобы услышать, как улыбнется в трубке на эту новость Наташин голос. Быть может, я отчасти хотела ее этим обмануть, показать, что я не разгадала столь роскошно ею инсценированной истории с Проклятым Племянником. Наташа ведь не любит своих просчетов, допущенных по нездоровью.

Как же нравились мне мои новые владения! Комнатка в два окна, на втором этаже, а окна даже солнечным днем затенены ветками кленов. Крашеный дощатый пол, довольно занозистый, что мы вскоре сумели в полной мере ощутить, ибо очень любили сидеть на полу. Английские ситцевые обои, довольно-таки вытертые. Крошечная ванная, игрушечная плита. Я купила современную кровать с одной спинкой и старинное бюро, которое заняло четверть комнаты. Раскладной стол, три табурета, и выпрошенный у мамы дедов сундук для путешествий, который дома почему-то назывался «Гросс-Германия». Весь в полустертых наклейках давних отелей. В него поместилась одежда, а сверху опять же можно было сидеть тем, кто берег платье от неровных досок.

Ни новостной панели, ни даже радиоприемника в моем новом обиталище не было – к чему? Только самый простой телефонный аппарат. Жизнь в этих стенах кипела изнутри – во внешних событиях мы нуждались мало.

Сколько же нас набивалось в эту комнату тем летом! Засиживались до утра, ведь каникулы. Хлестали чай по-московски – чашку за чашкой. (Жителей иных градов московское чаепитие, я замечала не раз, весьма пугает). С эйнемскими помадками, с абрикосовским мармеладом, да и просто с хлебом от Филиппова.

Вино мы в те времена пили только в дни экзаменов, уж это святое. Но покупка вина на каждые посиделки была большинству не по карману.

Ник-то, впрочем, был из нас самым богатеньким. Помимо стипендии ему еще выплачивали целых сто рублей в месяц по распоряжению Опекунского совета. Но он уж равнялся по остальным.

Впрочем, мы пьянели и без вина, от одних разговоров, от того, что было так хорошо теплыми теми вечерами и светлыми ночами.

Я наслаждалась тем летом самостоятельностью, полной, совершенной. Родители разъехались по экспедициям, отец в Гоби, мама – на Саарема, сестра с мужем отправились на пленэр на Вологодчину, старенькая няня Тася уже полностью переселилась в Бусинки,

а Наташа увезла Гуньку в Коктебель. (Впрочем, мое желание самостоятельности и тогда делало исключение для Наташи). Я была полностью предоставлена самой себе. Вернее сказать – полностью предоставлена друзьям.

У меня бывали все. Реже всех, пожалуй, Роман, который не любит долгих разговоров. Хуже – он не умеет от разговоров пьянеть.

Зато все остальные бывали, все остальные пьянели. Появлялась княжна Нинка Трубецкая, самая из нас безразличная к политике и терпимая к республиканскому устройству, вечно фрондирующая Нинка, в своей любимой зюйд-вестке и бриджах из «чертовой кожи», в любой момент готовая схватить рюкзак и умчаться одна в леса – куда глаза глядят.

Так много трепета и гнева,
И тут же смех.
И голосом владела дева,
Что звонче всех.
Простоволосым златопадом,
Смеясь, грустя,
Играла, как ручьем наяда,
Как львом дитя.
И этот слух, что дивно тонок
На звоны лир.
Ты вся была как тот ребенок —
Познавший мир³.

Стихотворение, посвященное в те дни мне, было неровным, как все почти Нинкины стихи, но всем нравилось. Кроме, может быть, Ника, потому, что он единственный не похвалил, а как-то странно промолчал.

Бывала Вера, тогда еще Маслова, с ее будущим мужем Жаном Сен Галлом, самозабвенно изучавшим русский язык. Мы звали Жана Ванюшей, Ванечкой, и ему это страх до чего льстило.

Бывала Нинкина кузина княжна Лёка. И Нинкина тётка – Машка Несмеянова, тётка, что на полгода моложе племянницы, застенчивая и одновременно насмешливая, стригшая свои темные волосы коротко, за что мы дразнили ее «суфражисткой». Ну, это все биологический факультет.

Был Мишка Осипов, с первого же курса определившийся по линии кристаллографии. Его девушки временами менялись, но варьировались всегда внутри одного типа. Я их не запоминала.

Что еще? Дима Федотов, ухаживавший тогда за Ирой, своей будущей женой. Оба будущие физики. Всех не перечесть, да и не вспомнить.

Мы пели вечные студенческие песни.
Пошел купаться Уверлей,
Оставив дома Доротею.
Берет он пару-пару-пару пузырей,
С собою, плавать не умея.
И он нырнул как только мог,
Нырнул он прямо с головою.
Но голова-ва-ва, тяжеле ног-ног-ног,
Она осталась под водою.
Жена, узнав про ту беду,
Удостовериться хотела,

³ (с) НТ

Но ноги милого в пруду, в пруду
Она, узрев, окаменела.
Прошли века и пруд заглох,
И заросли к нему аллеи.
Но все торчит-чит-чит там пара ног-ног-ног
И остов бедной Доротеи!
Чем печальней рисовалась судьба любящих супругов, тем веселей мы орали.
По рюмочке, по маленькой, налей, налей, налей,
По рюмочке, по маленькой, чем поят лошадей!
А я не пью! Врешь, пьешь!
Ей-богу! Божиться грех!
Так наливай студент студентке,
Студентки тоже пьют вино,
Непьющие студентки редки,
Они повымерли давно.
Колумб Америку открыл,
Страну для нас совсем чужую.
Чудак!! Он лучше бы открыл
На нашей улице пивную!
По рюмочке, по маленькой...
Коперник целый век трудился,
Чтоб доказать Земли вращенье.
Чудак!! Он лучше бы напился,
Тогда бы не было сомненья.
По рюмочке, по маленькой...
А Ньютон целый век трудился,
Чтоб прояснить тел притяжение.
Чудак!! Он лучше бы влюбился,
Тогда бы не было сомненья.
По рюмочке, по маленькой...
А Менделеев век трудился,
Чтоб элементы вставить в клетки.
Чудак!! Он лучше б научился
Гнать самогон из табуретки.
По рюмочке, по маленькой...

Пили мы при этом, как я уже говорила, через два раза на третий – да и то в лучшем случае.

Ник присоединился к нам только в июле. Всю вторую половину июня, едва кончились экзамены, он затеял проехать на «попутках» до низовий Волги. С двумя сокурсниками с юридического факультета и тремя свитскими. Инкогнито, разумеется. План, сам по себе, был недурен, ведь студентами, шатающимися по городам и весям, летом никого не удивишь. Кто просто путешествует, кто и нанимается на сезонные работы. Последнее, правда, ближе к осени. Но и «на картошке», как называется в студенческой среде страда на хуторах, никого не удивишь ни французским языком, ни латынью, ни обсуждением доказательств теоремы Ферма. Затеряться среди буршей легко даже Императору, особенно если, как сделал Ник, нарочно растрепать пробор, отпустить усики и купить темные очки.

План был недурен, однако, как я теперь подозреваю, стоил многих седых волос Великому Князю Андрей Андреевичу, главе Опекунского совета. Уж не знаю, как он из этого положения выходил. Думаю, предпринял какие-то меры предосторожности. Но не мог же

Андрей Андреевич запретить девятнадцатилетнему царю, на его, царя, честные деньги, путешествовать по своей стране? Бедный Андрей Андреевич!

Ник ворвался в наши посиделки загорелым, полным множеством впечатлений и идей.

Какие же сумасшедшие, какие великолепные разговоры велись в те летние вечера!

Мы говорили о продвижении православной миссии в скандинавских странах, о заселении Дальнего Востока, о строящихся там новых городах. Мы говорили об инклингах и Бердслее, о прерафаэлитях и «плетении словес».

Мы, разумеется, спорили о геополитике.

В студенческие годы всем свойственно в разговорах и мыслях вершить судьбы мира. Но одному из нас надлежало в скором грядущем заняться этим на самом деле.

Иногда, как странно выражаются англичане, в моей студии негде было повесить кошку. Иногда народу случалось меньше, иногда заходил и кто-то один.

И все чаще и чаще случалось, что этим одним оказывался Ник.

Мы не понимали, мы очень долго ничего не понимали. Мы просто сидели за чаем и говорили – говорили, пока за окнами ни начинали щебетать птицы, пока лучи электрической лампы ни выцветали в лучах рассвета, и делалось заметным, какие мы уже бледные, и над собственным призрачным видом мы только хохотали.

Да, мы вели очень важные речи о судьбах мира, только мир этот был населен всего лишь двумя людьми.

Я отчетливо – до слова и до жеста – помню все, что произошло и было сказано потом. Но из моей памяти почему-то напрочь стерлось то, как в один прекрасный момент слова сделались ненужны.

Как я, оказывается, давно хотела этого – коснуться губами тонкой метки на его правой брови, этой памяти о моей детской выходке. А от нее спуститься к ресницам, к его слишком длинным «девичьим» ресницам, о которых я дразнилась во все те же гимназические годы. Правый глаз, а уж следом и левый... Он закрыл оба глаза, подставляя их моим губам.

Поцеловаться в уста мы решились не сразу. Мы были неловки, мы были неуклюжи. Уж за себя поручусь наверное, но, сдается мне, и Ник целовался впервые в жизни.

– Мы же всегда... мы всегда это знали! Еще когда дрались маленькими... – шептал Ник, зарывшись лицом в мои волосы. – **Златопад...**

Затем наши губы кое-как все-таки нашли друг друга.

Пространство вокруг нас скрутилось в теплый золотой кокон, и этот кокон вертелся, вертелся все быстрее и быстрее, чтобы унести нас высоко и далеко.

Опомнилась я. Я разорвала золотой кокон, я оттолкнула Ника, я вырвалась из его рук с жалобным вскриком, словно кто-то ударил меня ножом. Лучше бы ножом.

– Нелли, милая! Неужели я тебя напугал? Прости... Мужчины ведь очень грубы, я знаю...

Он не понял. Он ничего не понял. Мое поведение он, я отчетливо это угадывала, отнес совсем к иному: решил, что оно вызвано той переменной в нем, которой я не могла не ощутить – даже через одежду. Да, принято считать, что девушки этого боятся. Но я не боялась. Все, что между нами происходило еще несколько мгновений назад, было так естественно и так желанно, все, решительно все было прекрасным.

Он не понял. Неужели мне самой придется ему сказать?

– Мы не должны быть вместе.

– Отчего не должны? Мы же любим друг друга! – Какие-то тени отуманили его взгляд: он еще отгонял правду, но теперь предчувствовал ее приближение.

– Ты брал обязательства. Православие – государственная религия твоей страны. Твоя невеста должна либо быть православной, либо перейти в православие.

– Нелли... Но разве ты...

– Нет. Нет, милый, нет. – Происходило что-то очень странное. Дальше моими устами словно заговорил кто-то много мудрее и сильнее меня, кто-то, подобный, быть может, античному демонию. Мысли выстраивались четким строем, легко облекаясь в спокойные слова. Разве что сердце трепетало, словно воробушек, которого давил чей-то безжалостный кулак. – Не потому, что я так уверена в себе, в своем знании, где истина. Но я давала присягу, я клала на книгу ладонь! Быть может и случается так, чтобы женщина переменила взгляды под влиянием мужчины. Быть может, из этого может выйти благо, быть может, и нет. Но это не наша оказия, Ник. У нас все слишком просто. Передо мной на одной чаше весов – мужчина, на другой – присяга. Если я уступлю, мне даже обмануть себя будет нечем. Мы – племя высоколобых, мы – примат идей. Милый, милый, я потом тебя попрекну! Попрекну, когда совесть меня изгрызет, словно червячок древоточец. И не будет гармонии, не будет лада. Я тебя люблю, но если я это сделаю, счастливы мы не будем, нет!

– Тогда я попрошу Сенат разрешить мне брак с католичкой.

Он еще не хотел сдаваться. Но в эти минуты я была сильнее и мудрее него.

– Ты не станешь просить. Мы живем в мире, который шесть десятков лет назад чуть не рухнул в бездну. Бездна еще дышит. Ты не имеешь права. Агенты Энтропии станут играть на антикатолических настроениях в православной среде, ослаблять твои позиции. Ни одной из этих позиций ты не имеешь права сдать добровольно. Ты не должен вкладывать в руки врагов оружия против тебя. Тебе не нужна жена-католичка.

Мы стояли на расстоянии вытянутой руки – и руки наши действительно тянулись друг к другу.

– Все не может быть так безнадежно.

– Все безнадежно. Мы пленники двух присяг.

– Я не верю, что не могу ничего сделать.

– Императоры не боги, милый. В нашей стране любой человек может жениться на ком хочет. Любой, кроме тебя. Ты можешь сделать сейчас только одно, Ник. Уйди. Пожалуйста, уходи, уходи немедленно!

Мой демоний слабел. Я вот-вот могла уже утратить решимость.

– Я не могу уйти от тебя, Нелли. – Его губы совсем побелели. – Даже если должен, даже если ты права. Но я просто не могу, нет.

Это был самый отчаянный миг.

– Уходи! – воскликнула я, кажется, ломая руки, впрочем, не помню. – Ник, уходи – или я сейчас брошу тебе под ноги свою честь! И ты на нее наступишь! Ты ведь сейчас на нее наступишь, Ник!

– **Нет.** – Голос его прозвучал хрипло, будто он опять сорвал его на плацу. – **Я твоей жизни не сломаю.**

Он метнулся к дверям, как слепой. Он стукнулся о косяк. Шаги прогрохотали по лестнице.

Кинувшись к окну, я смотрела, как он уходит по ночной улице. Ночь поглотила его. Ночь поглотила все.

Я упала на кровать и зарыдала. Я вскрикивала, я приподнималась и вновь падала лицом в подушку, я колотила вокруг руками. Через несколько часов нос так распух, что дышать пришлось ртом. Я никогда не думала, что в глазах может быть так много слез. Я плакала, плакала, плакала, а слезы не иссыкали. Не иссыкали, но не приносили облегчения.

Я не переодевалась, не умывалась, не ела. Иногда я слышала звонок телефона, иногда кто-то снизу, с улицы, нажимал на кнопку электрического «колокольчика». В конце концов, трели и звонки стихали, впрочем, я не вполне уверена, что они и были. Кажется, иногда я испытывала жажду и пила воду. Слезы не иссыкали. Иногда я впадала в краткое забытие, то ли в обморок, то ли в сон, но скоро пробуждалась от звуков собственных рыданий.

Такой меня и обнаружил на третьи сутки Роман.

Глава VIII Четыре года назад (продолжение)

Я давно привыкла к тому, что у Романа при себе всегда наличествуют всевозможные опасные, а то и предосудительные предметы. Револьвер, само собой. Иной раз – отлитый по особому заказу бронзовый кастет с шипами – настоящее произведение искусства. Дорогих ножей я даже не считаю. Один раз он привел нас с Наташей в полное изумление, предложив обыскать его карманы. «Ну что, я безоружен?» – веселился он. Пришлось, подозревая подвох, признать, что да. «Возможно, у меня связаны руки, возможно, мне их заломили за спину». «Ну, так и что? Что далее?» В следующее мгновение Роман словно бы улыбнулся – обнажив крепко сжатые зубы. А меж зубами затрепетало нечто, похожее на тонкое блестящее змеиное жало. Бритвенное лезвие. Это было лезвие для так называемой «безопасной» бритвы. «Откуда?! Ты даже не подносил рук ко рту!» – вскричала я, когда Роман, снизойдя к нашим уговорам, наконец «выплюнул эту гадость». «Бритва была у меня за щекой». «Но это невозможно, Роман! Ты же разговаривал, как ни в чем не бывало! Нельзя говорить с бритвой за щекой!». «Можно, как видите, впрочем, могу показать еще раз». «Нет уж, не надо!» «Я не враз это освоил. Неоднократно ранился довольно неприятным образом. Но стоит того. Ты решительно безоружен, враг теряет осторожность. Затем ты быстро идешь на сближение – и от уха до уха. Другой серьезной раны этим не нанесешь. Надо только вскрывать горло, зато тут уж все шансы».

Признаюсь впрочем, что подобные сценки происходили давно – когда Роману было лет пятнадцать, много – семнадцать. Чем старше он становился, и чем, подозреваю, опаснее делались его игрушки, тем основательнее получалась фигура умолчания.

Тем не менее, когда я вновь обрела в те дни способность удивляться, меня нимало не удивило то, что в кармане Романа сыскался набор отмычек, которыми он и открыл мою дверь.

Удивило меня совсем другое: а каким образом моя дверь оказалась запертой?! Ну не могла я ее запереть, никак не могла! Да мне было вовсе безразлично – заходите хоть все разбойники Первопрестольной.

Я помнила, как метнулась к окну, когда ушел Ник, потом упала на кровать. Нет, не запирали я двери... Какой-то странный провал в памяти.

Тем не менее, дверь все ж была заперта, а Роман открыл ее отмычкой. Не случись у него отмычки – налег бы плечом. Для Романа по определению не бывает дверей, в которые он не мог бы войти.

Присутствие Романа я скорее ощутила, чем осознала.

Он тер мне лицо холодной губкой, потом ледяные брызги полезли за шиворот и дальше, под одежду. Я не смущалась Романа, я ведь помню его столько же, сколько себя, с тех времен, когда мы спорили «чья» Наташа, и, в конце концов, решили быть братом и сестрой, чтобы ее не делить. Впрочем, я и не могла тогда смущаться. Я была в полусознании.

Он подносил к моим губам то воду, то вино, усаживал меня в подушках и пледах, сердито бормоча под нос о застое в легких.

Он гремел чем-то около плиты, и сварил, да сам сварил вполне настоящую жидкую овсянку, которой кормил меня с ложечки. Ложка, правда, почему-то оказалась устричной, раздвоенной. Более подходящих ложек он, видимо, в моих кухонных ящиках не нашел.

Он заставил меня уснуть – но почему-то сидя, а сам держал меня за руку. Я перестала плакать. Я уснула.

Когда я проснулась, он потащил меня в ванную, затем помог мне переодеться, сердясь, что вся одежда с меня спадает и придется, видно, подвязывать штаны куском бечевки.

Он выволок меня погулять в сквере, хотя я спотыкалась на каждом шагу. Не помню – два дня или три – Роман находился при мне неотлучно.

Наконец, словно бы заново учась говорить, я попробовала объяснить, что произошло, а главное (во всяком случае, это главное для Романа), что передо мною никто не виноват, что меня никто не обижал.

– Да всё я знаю, – Роман сердито хмыкнул. – Второй ходячий труп из этой драмы я уже имел удовольствие лицезреть. Собственно, как его увидал, так и понял, что надо сломя голову мчаться к тебе. Благочестивые вы мои... Вот ведь напасть. Но дело не в этом, дело в том, как с тобой сейчас быть. Лучше бы всего отправить тебя в Крым к Нате, да она, по своему обыкновению, не оставила возможности с собой связаться. Впрочем, есть еще одна неплохая мысль.

– Роман... А ты сказал... Нику, ему очень худо?

– Выброси из головы, Лена. – Впервые за эти дни Роман позволил себе говорить со мною неласково. – Ник – мужчина. Мужчина и Император. Со всем он справится и всё он переживет. Скажи мне лучше, я могу тебя оставить на несколько часов?

– Не тревожься. Ты вполне можешь меня оставить, Роман. Хотя я и не мужчина, но хуже мне уже не будет. Я вполне пришла в себя.

Подозреваю, что я несколько выдала желаемое за действительное, но в отсутствие Романа со мною и впрямь плохого не случилось.

Он не стал мне ничего объяснять, просто предложил собрать чемодан – на неделю. Я тоже ничего не спросила, и вроде бы даже приступила к сборам. С полчаса Роман наблюдал за моими попытками уложить в чемодан то конспект лекций по уже сданному предмету, то меховую муфточку, а затем, решительно меня отстранив, управился со сборами за десять минут. Да, это немножко странно, чтобы молодой человек собирал чемодан девушки. (Еще страннее, впрочем, то, что он проделал это идеально – не забыв ничего мне необходимого). Но повторяюсь, я переживала в те дни столь сильное душевное потрясение, что самые немыслимые вещи воспринимались мною как совершенно несущественные.

Боюсь, что я немного надорвала тогда свою силу воли. Вся она без остатку ушла на расставание с Ником – и больше мне не осталось уже ничего. Гулять в сквере, так гулять в сквере, ехать незнамо куда – так ехать.

Только когда Роман сажал меня в вагон, я обратила внимание, что поезд следует в Ревель.

– А через неделю мы тебя будем ждать с Натой, – Роман положил на столик моего единоличного купе несколько свежих газет. – К этому времени я ее найду.

Кстати признаться, я впервые в жизни ехала в купе синего вагона. Все-таки по нашим летам это не считалось приличным. Вся эта крахмально-зеркально-бронзово-красного дерева роскошь была мне не вполне привычна тогда. Не про буршей заведено.

Утром, ясным и на удивление погожим, я была уже на месте назначения.

Ревель открывается сразу, с первого взгляда. Вокзал его лепится под самыми стенами Старого города. Мощные, невообразимой толщины, они вздымаются рукотворной величественной скалой. Но уютны, как невыносимо уютны рыжие и бурые черепичные крыши... В воздухе почти не пахло горьковатым дымком – лето, хозяйки не спешат с утра с растопкой к выставшей печи.

И в столицах наших многие не расстались с печами и каминами, но только в Ревеле ими всерьез отапливают дома.

Подумав о печах, я по детской привычке, еще стоя на перроне, машинально огляделась по сторонам: не увижу ли на счастье трубочиста?

И увидела кое-кого другого, тоже в рабочем своем одеянии.

Рейн, улыбаясь, шел мне навстречу, метя платформу черными полами своей жесткой сутаны.

Обыкновенно он отнюдь не баловал меня подобными знаками внимания – мой обожаемый духовник.

– Прохожу мимо вокзала и думаю – вдруг кто знакомый к нам пожалует? – скорее пошутил, чем соврал он.

Все было ясным: несомненный сговор. Я вдруг почувствовала себя живой и даже немножко счастливой.

– А я вчера проходила мимо вокзала, гляжу: куда-то поезд отправляют, – в тон ответила я. – Ну я и села, отчего б не сесть? *Jube, domne, benedicere!*

Не без шика грязня дорожный наряд, я опустилась на колени посреди прозаической платформы и прозаической толпы. Не все так поступают, некоторые несомненно предпочитают менее людные места. Но только не я.

– *Benedicat te omnipotens Deus...* – показалось ли мне, или Рейн вправду не просто положил ладони на мою макушку, но на мгновение их с силой прижал, и они были теплыми и бесконечно добрыми.

Я весело вскочила на ноги, решив, что мы в полной мере эпатировали честной лютеранский и заезжий народ. Рейн уже оглядывался в поисках носильщика. Только носильщик, строго говоря, и нужен от вокзала до крошечной гостиницы. Таксомотору тут ехать некуда да и негде.

Как же я рада была видеть Рейна, отца Рейна Тоомпуу, вернее говоря. Высокий и широкоплечий, Рейн – столь типический эст, что иногда это даже представляется гиперболой. Все в нем чухонское – и совершенно бесцветные волосы, и голубые глаза с «легкими» веками, и неправильный нос, такие носы злые языки называют «уточкой», и квадратный решительный подбородок.

В 1978⁴ году Рейн, только что рукоположенный в Риге, был назначен в самое-самое невообразимое захолустье католического мира: в Ревель и уж заодно в Дерпт, ибо зачем ставить аж целых двух католических священников на весь эстонский народ? Как раз умер старенький его предшественник, что служил в костеле Петра и Павла на улице Вэне. Приход же состоял из нескольких старушек польского происхождения и одного эстонского городского чудака. Вот и решили, что для упражнения в смирении очень молодому священнику это подойдет как раз.

Эстонцы, как и почти все лютеране, к религии довольно равнодушны. Спервоначально они с недоумением приглядывались к тому, что молодой священник проводит в церкви дни напролет – кроме тех часов, что выступает по радио либо читает лекции.

Месса в восемь утра – и весь день в церкви, в ризнице или в личной крошечной комнатке по винтовой лестнице над входом, комнатке, куда кое-как влезли кушетка, крошечная плита, на которую помещался единственно кофейник, и столик с простеньким текстовым редактором. Но он всегда был доступен – каждому в том нуждающемся.

У одной эстонской девушки, лютеранки, умерла мать. Ей в ту пору просто хотелось ходить на службу, ее успокаивали церковные стены. И тут она обнаружила, что у католиков почему-то служат каждый день, а не только по воскресеньям. А затем Ает и задумалась: а для ей чего ходить туда, где двери так редко открыты? Догматические обоснования пришли позже. Сначала Ает просто вошла в открытую дверь.

⁴ Коль скоро художественный замысел связан с датой «1984», автору приходится иной раз чуть-чуть «подгонять» под это число свои грезы. Кто-то из персонажей оказывается при этом несколько старше себя самого, кто-то – моложе. Уж кому как повезет. Отцу Рейну не повезло.

Через полтора года в костел ходило уже несколько сотен человек – в обоих городах. А Рейн взбадривал себя кофе и сигаретами, потребляемыми ежедневно в невообразимых количествах, и мчался после воскресной мессы в Ревеле служить воскресную мессу в Дерпте, ночевал там в ночь на понедельник, а во вторник рано утром снова был, где всегда – в Петре и Павле.

Сейчас в Ревеле издается католическая газета на трех языках, поговаривают о скором назначении второго священника, поговаривают и о том, что кое-где уже заложен фундамент для епископской кафедры.

Как я попала в храм Петра и Павла – история особая и длинная. Но духовник мой служит в Ревеле. Конечно же, я исповедуюсь и в Санкт-Петербурге и в Москве. Но, тем не менее, мой главный храм, храм моей души – тут.

– Позавтракаем у Штуде? Вы, поди, не ели.

– Не ела. И поэтому мне больше хотелось бы не завтракать, а исповедаться, отец. Прямо сразу.

– Сразу так сразу. – Рейн улыбнулся.

Вещи мои проследовали в гостиницу, а мы направились в костёл. Костёл или церковь, как уж кому нравится, сама я говорю то так, то эдак.

Рейн отворил тяжелые двери устрашающе огромным ключом.

Храм возводил Росси, но и у Росси, стало быть, есть вовсе неприметные работы. Псевдоготика, безо всякой изюминки, незапоминающийся фасад с острыми башенками⁵. Хотя, когдаходишь, эта псевдоготика прошлого века кажется готикой вполне настоящей, ничем не уступающей той окружающей немислимой готике, что была у нас отобраана после Реформации.

«Люблю, знаете ли, древнелютеранскую архитектуру», если чуть-чуть перефразировать великолепного честертоновского отца Брауна.

Но пусть их бубнят свои тусклые проповеди в нашем Домском соборе – а месса остается мессой хоть в шалаше.

Солнце падает сквозь витражи, колонны множат звук, и подарок Людвига Баварского – знаменитая икона Божией Матери – пребывает где ей и положено, в алтарной части.

Я шагнула было от входа направо, к резной тяжелой будке конфессионала. Сердце всегда замирает у меня в груди, когдаходишь в этот тесный мрак, преклоняешь на скамеечку колени – и за деревянной решеткой – прямо перед твоим лицом – вдруг вспыхивает золотистый свет. Ты видишь склоненный профиль священника, но он – он тебя не видит, для него у тебя нет лица. Ты превращаешься лишь в голос, тихо звучащий из тьмы.

– Погодите, – к моему удивлению остановил меня Рейн. – Пойдемте лучше ко мне в ризницу.

Привычно склонив колени, проскальзывая мимо беломраморного алтаря, отделенного от общего пространства резными низкими перилами, я вошла в знакомую маленькую дверь.

– Да вы садитесь, – Рейн кивнул на стул для посетителей по другую сторону своего письменного стола. Отворил шкаф, достал епитрахиль, надел. – Разговор-то долгий, как мне представляется.

Эта, самая необычная в моей жизни, исповедь в самом деле длилась часа полтора. Рейн сидел напротив меня за письменным столом. Из стоявшего между нами телефонного аппарата он, впрочем, выдернул проводок. Больше ничего не подсказало бы стороннему наблюдателю, что это не обычная беседа, а исповедь – только епитрахиль на шее и то, что Рейн все старался держать перед глазами ладонь – как закрываемся мы от слишком яркого солнца.

⁵ В 1920-х гг. этот фасад обрушился, новый был надстроен в стиле неоклассицизма. Что придало зданию еще большую эклектику.

– Впервые в моей практике я пребываю в некотором замешательстве, – сказал, наконец, мой духовный отец. – Не враз разглядишь, какой грех я должен вам отпустить? Вы поступили в равной мере мудро и добродетельно. Любить – означает, прежде всего, жертвовать, так нам заповедано. Вы пожертвовали соблазном счастья ради несомненного блага любимого человека. Вы остались также верны себе, и здесь вы преодолели соблазн. И вы устояли перед плотским влечением, а это, между тем, страшная сокрушительная сила, она сминала людей и постарше вас. Само собой, вы сейчас попросту больны.

Рейн некоторое время промолчал.

– Впрочем, святых в этой комнате сейчас не присутствует. – Теперь он улыбался, улыбался с такой любовью, какой я никогда не видела прежде в его лице. – Вы все-таки грешите, Елена. Уйти на дно такого отчаянья – это означает попросту забыть о том, что милосердный Господь – наш любящий Отец. Неужели Он не пошлет вам утешения? Где ваше упование на Бога? «Что унываешь ты, душа моя, и что печалишься?» Вы прочтете этот псалом десять раз. А сейчас я разрешу ваши грехи.

Мы поднялись, и я в очередной раз опустила на колени. Епитрахиль пахнет морскими водорослями – так мне почему-то всегда кажется.

– А теперь – идемте, наконец, к Штуде. Я из-за вас тоже, к слову сказать, не успел позавтракать. Сразу после мессы поспешил на вокзал.

– Так да здравствуют эстонские пироги с ревенем – лучшие пироги на свете!

Это была хорошая неделя. Я начинала ее на рассвете – торопясь к мессе. Днем я бродила по развалинам монастыря Пирита и просто по кромке прибоа. Я дышала морем и соснами, а это – самые любимые мои запахи. Я действительно лакочилась желтыми, припудренными белым сахаром, пирогами с ревенем, и слоеными мясными пирожками, и тушеной капустой, и кофе, которого я, кстати, почти не пью дома. Я заходила на базар и покупала рукоделья у старых хуторянок. Вот только в тот раз я старалась избегать всех местных знакомых. Мне хотелось побольше быть одной.

Я оживала, оживала с каждым днем.

Студенческие посиделки, по моем возвращении из Ревеля, продолжились. Только Ник на них больше не появлялся. С полгода мы сторонились друг друга насколько позволяли обстоятельства, а затем, осторожно и постепенно, вернулись к тем отношениям, что связывали нас до лета 1980-го года. И этими отношениями я бесконечно дорожу.

А теперь, если верить Роману, выходит, что я перед всеми все одно кругом виновата. Что-то в этом все же есть несправедливое, именно несправедливое. Но ведь Роман может быть очень жестоким, но несправедливым не бывает никогда.

Глава IX Пикник с некоторым количеством странностей

Два фельдъегеря столкнулись в моей передней лбами, верней сказать – своими краповыми очельями. Надо полагать, что из Кремля оба вылетели с различием минут в двадцать, но второй оказался стремительнее.

Я не враз разобралась, какая из бумаг, подписанная привычным неофициальным «НШ» была первой, какая – второй.

«Нелли, пожалуйста: общественная реакция на речь Колчака в феврале 1921 года. Затем: психология осужденных. Хоть один держался достойно? Еще: сам ли Колчак установил связь с франц. роялистами?»

Это была первая депеша. Вне сомнений, первая. Ибо другая гласила:

«Впрочем, не сегодня. Последние дни лета, ведро. Мы с сестрой тут неожиданно надумали устроить небольшой пикник в верховьях Москва-реки. Еще будут Мишка и молодой Кеннеди. Брюс очень занят. Надеяться на твое присутствие?»

Отчего бы и нет? Я еще не вросла в письменный стол. А в окрестностях Звенигорода сейчас пахнет нагретой хвоей.

Я быстро начертала записку, чтобы автомобиль прислали через два часа. Еще ведь собираться будем...

Затренькала тарелка. Бетси Бегичева. Хрупкая, похожая на японку со своей темной челочкой и острым подбородком, Бетси старше меня на четыре года и занята сейчас, на мой взгляд, больше всего одним: доказывает себе самой, что счастливое материнство нимало не прибило ее к земле. Строго говоря, беспокоиться у нее и нет оснований: Бетси – модная галеристка, у нее салоны в столице и в Москве. Но ей и того мало. Не сомневаюсь ни минуты, что сейчас я опять услышу нечто новенькое.

– Нелли! Меня осенила совершенно гениальная мысль, невероятная, не веришь?

– Верю-верю, всякому зверю, даже ежу, а тебе погожу.

– Прекрати дурачиться! Вот вообрази себе, мы сейчас говорим через новостную панель.

– Неужели? – Все-таки мысль о пикнике меня развеселила. Я только веселая бываю зловредной.

– Но ведь можно же не только друг на друга через нее любоваться! И не только репортажи слушать эти бесконечные.

– А что ж еще? Устраивать, как американцы делают, *publicité* про мыльные хлопья и консервированную лососину?

– По чести сказать, и это умнее, чем провалы в пустоту между репортажами. Уж лучше мыльные хлопья. Нет, в свободное время люди могут видеть актеров, находящихся в специальном помещении. Через тарелку можно показывать целые спектакли, такие, конечно, где не требуется сложных декораций...

– Ты бы еще захотела показать клоунов, на которых водила детей.

– А хоть бы и их. – Бетси начинала сердиться. – Есть, между прочим, на свете пожилые люди, которым не очень-то уже легко выбраться хоть в цирк, хоть в театр...

– В чем-то ты права. – Я задумалась. – Тарелка лучше пластинки или записи на ленте, на ней есть изображение. Да, убогое, но... Если, к примеру, в клинике лежать... Иной раз нужно и развлечься. Конечно, это не может заменить полноценной фильмы на широком экране, но все же, все же...

– Я за ночь целую записную книжку исписала! Встретимся на днях? Я просто умру, если не покажу, что у меня вырисовывается!

– Встретимся, конечно. – Я в самом деле перестала валять дурака. – Только я не знаю, у меня на днях в планах Италия. Не уверена, что получится до вылета.

– Но ты все же постарайся!

– Обещаю. Не сердись, я сегодня что-то гадкая.

А через три часа, на ослепительном закате, какие я в пафосных юношеских стихах называла «златомедными», мы уже выезжали честной компанией из Первопрестольной.

Да, осень совсем близка, на Западе послезавтра наступит, но и у нас подступает.

Хорошо же, все-таки, посидеть вот так на речном склоне, вдаль от посторонних глаз.

Охрана, надо полагать, была, но незримая и неслышная, позволяющая полностью о себе забыть. Говоря «охрана» я, разумеется, подразумеваю Лерину охрану. У Ника такой нет.

Еще в юности, прочтя несколько трудов о Тюдоровской узурпации, он зацепился мыслью за незначительный вроде бы факт, что должность телохранителя ведет отсчет с Генриха VII.

«Это – главное доказательство того, что он был узурпатор, а не законный Государь, – сказал Ник тогда очень серьезно. – После этого я и верю, что Ричард не убивал принцев. Йорки не боялись своего народа. И я не стану выказывать недоверия своему».

Покуда делами заправлял Опекунский совет – телохранители у Ника, конечно же, были. Но давней отроческой мысли он, тем не менее, не оставил. И, достигнув двадцатидолетия, отменил должность телохранителя. Дюжина их была, сменявших друг друга. Убрал всех. Почти сразу после тезоименитства.

А ведь сам же говорит про Энтропию, сам же не строит иллюзий относительно отсутствия вензелей на своих погонах... Ну вот что с ним поделать? Хоть кол на голове теши. Ник порою упрям до какого-то неправдоподобия.

Но что о том? Только напрасно огорчаться... Слава Богу, что где-то в лесу засела хотя бы Лерина стража.

Мягкие сумерки сгущались.

В зюйд-вестках или пуловерах, поскольку августовские вечера уже холодны, в чёртовой коже или в военного покроя штанах цвета хаки, мы расположились на бревнышках возле костра. Корзина с закусками и погребец были собственноручно (в чем иначе прелесть пикника?) уложены мною и Лерой: охлажденное шабли гран-крю (да, решено было кутить!), пара бутылок из погребов Массандры, на нежно хрустящих гренках – фуа-гра, грудка фазана, шевр, белорыбца, и на десерт подмосковные розовые яблоки. Салфетки пёстренькие, серебряные походные стаканы, составленные один в один.

Я взяла неблагодарную роль хозяйки, Лера взяла гитару. Покуда я наделяла Мишу сыром, Ника дичью, Джона паштетом, она перебирала струны.

Лицо Леры, обычно немного бледное, залили румянцем отсветы костра. Одна толстенная коса упала за спину, другая на грудь. И петь она начала с того, что оказалось так созвучно этому вечеру умирающего лета. Суровое и грустное, но такое настоящее, идущее из таких глубин...

Вот лошадь мчится по продольной,

По темной, узкой и сырой.

А молодого коногона

Предупреждает тормозной.

«Ах, тише, тише ради Бога!

Здесь ведь и так большой уклон!

На повороте путь разрушен,
С толчка забурился вагон!»

И вот вагончик забурился,
Беднягу к парам он прижал,
И к коногону молодому
Друзей на помощь кто-то звал.

Через минуту над вагоном
Уже стоял народ толпой.
А коногона с шахтной клетки
Несут с разбитой головой.

«Ах, глупый, глупый ты мальчишка!
Зачем так быстро лошадь гнал?
Или начальства ты боялся,
Или конторе задолжал?»

«Нет, я начальства не боялся,
Конторе я не задолжал,
Мне приказал начальник шахты,
Чтоб порожняк быстрее давал.

Прощай навеки коренная,
Мне не увидеться с тобой,
Прощай, Маруся ламповая,
И ты товарищ стволовой!
Прощай Маруся ламповая,
И ты, товарищ стволовой! – подхватили все, кроме, понятное дело, Джона.
Я был отважным коногоном,
Родная маменька моя,
Меня убило в темной шахте,
А ты осталась одна...
Меня убило в темной шахте,
А ты осталась одна!»

Как же это было прекрасно. Ну я-то с уральских земель, там, верно, у всех в крови, что борьба человека с недрами – жестока и темна, и останется такой, какие технические совершенства ни вводи... Но хорошо поставленный голос Леры так трогательно сочетался с простой мелодией и наивными словами, что дрожь подземная, мне кажется, пробирала всех.

И я вдруг странно успокоилась. Ник не может не видеть, как Кеннеди смотрит на Леру, а Лера на него. И если Ник не тревожится – значит – скоро уедет этот Джон... И все будет хорошо.

– Что же, поднимем бокалы? Или то, что нам их, по крайности, заменяет? – Ник принял на себя обязанности виночерпия. – Лера, тебе довольно? Нелли? Джон, a little more? Миша?

– Для меня, кажется, была положена бутылка кислых щей, – отозвался последний.

– Да брось ты эту шипучую ерунду для детей! – Ник засмеялся. – Кислые щи к фазану – это уж варварство!

– Но... – Миша замялся, словно бы удивился.

– Полстакана. Я тебе разрешаю совершенно официально. Сегодня ты можешь выпить полстакана шабли.

– Ну, коли царь-батюшка разрешает, – Миша широко улыбнулся и с удовольствием принял свой стакан.

Чего-то я тут не понимала, вне сомнения. Отчего Мише нужно разрешение Ника, пить ему шабли или нет? Как-никак – не маленький. И если ему столь мила совершенная трезвость – отчего он с таким удовольствием вдыхает запах вина?

А еще – впрочем, я давно привыкла читать в лице Ника – почему он смотрит на Мишу с таким непонятным выражением? Тревога? Нет, не совсем то... Не тревога, но где-то рядом с нею. И что-то еще, похожее на гордость – так он смотрел на Мишу четырнадцатилетним, когда тот, десятилетний, являлся весь в синяках, но со спасенным от озорников уличным котенком в охапку.

– Может статься, ты мне еще и пахитоску разрешишь? – веселился между тем Миша.

– Не зарывайся. За тебя! – Ник сделался серьезен. – Давайте все пьем здоровье Михаила.

– Благодарю! Тогда уж мне заказывать следующую песню. Споешь, Ник? Ты знаешь, какую.

– Как ни знать, – Ник принял гитару у сестры, а та, надо отдать ей должное, сменила меня на моем посту у корзины.

За рекой Ляхэ загорались огни,

Грозно пушки в ночи грохотали,

Сотни храбрых орлов

Из казачьих полков

На Инкоу в набег поскакали.

Да, Ник прекрасно поет эту песню. Я смотрела на его лицо, по которому тоже гуляли розовые тени, и продолжала погружаться в обретенное мною вдруг спокойствие. Роман преувеличивает. Ник человек долга. Надо жениться – так и женится на ком положено. И уж если я сумела от него отказаться, то сумею и не попасть в грязный плен к ревности. Я буду радоваться за него, у меня это получится. А вот мне вовсе не непременно нужно выходить замуж за кого-то другого. Довольно того, что Ник есть, просто есть, что я могу слушать его пение и встречать его улыбку. Довольно того, что иногда я бываю ему нужна.

Пробирались там день и ночь казаки,

Одолели и горы, и степи.

Вдруг вдали, у реки,

Засверкали штыки,

Это были японские цепи.

И без страха отряд поскакал на врага,

На кровавую страшную битву,

И урядник из рук

Пику выронил вдруг —

Удалецкое сердце пробито.

Тут мой взгляд снова упал на Мишу. Как все странно в нынешнем августе! Вокруг сплошные тайны, а мне, занятой своей жизнью на два мира, совершенно не интересно разгадывать, в чем они заключаются.

Но Миша непонятен в эти дни. Он ведь похож на Ника, словно не кузен, а младший брат. Но Ник красивее, да и выше на полтора дюйма. Но сейчас отчего-то кажется самым красивым именно Миша. Лицо его сияет, но это не влюбленность – нет, влюбленные иначе

выглядят, достаточно перевести взгляд на Джона и Леру, чтобы сравнить. Тут нечто иное. Но какая-то мысль освещает его изнутри. Важная, бесконечно важная. Э, уж не в монастырь ли он собрался? Это хоть объясняет, почему заделался таким примерным. Нет, пустое, по закону в монастырь до двадцати пяти лет не записывают.

Он упал под копыта в атаке лихой,
Кровью снег заливая горячей,
Ты, конек вороной,
Передай, дорогой,
Пусть не ждет понапрасну казачка.

За рекой Ляхэ угасали огни.
Там Инкоу в ночи догорало,
Из набега назад
Возвратился отряд.
Только в нем казаков было мало...

Мы много еще пели в тот вечер, немало и выпили, хотя Миша в самом деле ограничился тем самым полустаканом. Ночь была прекрасна, все подводные течения гладко обтекали мою душу, не тревожа и не раня.

Но уже дома, краем глаза и краем уха следя за последним новостным выпуском, я услышала нечто совершенно непонятное, но нимало меня не удивившее: по Высочайшему повелению во всех православных храмах Российской Империи было предписано три дня служить молебны и непрерывно читать акафисты Архистратигу Божию Архангелу Михаилу.

Глава X Тропинки в прошлое

Через день я, впрочем, вплотную приступила к делам. А накануне заказала билет в Рим, ибо срок начала конклава, наконец-то, был объявлен: 3 сентября. По грегорианскому стилю, конечно. Дата многозначительная и обнадеживающая. Я положила быть в Риме 2 сентября, опять же, по грегорианскому стилю. Затем я нашла вчерашнюю записку Ника и самым наглым образом водворилась в отцовском кабинете.

Я – отцова дочка, во всем. От отца я унаследовала все – от типа интеллекта до высокого, с упрямыми выступами, лба и крутого подъема ступни. Только отчего же я особенно горячо люблю отца как раз на расстоянии? Слишком уж мы, видимо, схожи.

Увы, я, боюсь, настолько повзрослела, что мне не нужно непременно жить самой по себе. В столице у меня квартирka есть, хоть маленькая, зато на Мойке, а в Москве и родительских апартаментов мне довольно.

И нигде мне не работается лучше, чем в отцовском кабинете. Я так люблю эту просторную комнату, обставленную мореным дубом. Книжные ряды уходят под потолок, кроме научных изданий тут множество и хорошо знакомых мне. Дедово собрание святого Иеронима на латыни, дедов же Фламмарин и – парадоксально соседствуя с ним – устаревший Герберт Спенсер. Памятный мне с детства Брем и отцова страсть – несколько полок словарей.

В кабинете много всего китайского: и папа и дед, Константин Гаврилович, провели и в Южном Китае и в Северном долгие месяцы жизни. Впрочем, дед-то ездил в Китай еще до женитьбы, когда страна была не разделена. Папа, конечно, больше в Северном бывает. Что забавно, и деда и отца принимал Император Сюаньтун. Только дед повидал его ребенком, в 1910-м году, а папа – стариком, в году 1965-м. Дед строил КВЖД, отец – копает Гоби в поисках любезных сердцу звероящеров. И так много повсюду этих лаковых шкатулочек, фарфора, а также шелковых картин, чуждых для нашего европейского зрения. Чтобы нормальным для нас образом увидеть, к примеру, этого выходящего из пещеры льва, к картинке надо поднести зеркало. В него и глядеть. Папа мне в детстве показывал этот трюк.

Немало тут и нашего уральского камня, в особенности – малахита. Один малахитовый кубок я в семь лет разбила, о чем жалею до сих пор.

А вот в этом ящике угловой тумбы лежит моя первая любовь – дедов наган. Из него я училась в детстве стрелять, его никак не могу выклянуть у отца⁶.

В кабинете висит три портрета. Два – вполне солидных. Дед – под любимой всеми Гавриловичами, а после Константиновичами вековой липой, отец в охотничьем костюме, на берегу Камы. Третий же портрет – мой. В возрасте восьми годов. Я захотела себе на новогодние маскарады наряд инфанты Маргариты, благо, волосы позволяли похожую прическу. И так уж он мне шел, что сестра Вера, тогда студентка первого курса Академии Изобразительных Искусств, загорелась меня писать. Пока я не выросла из роскошной одёжки, которую, кстати, шили в лучшем театральном ателье. Портрета мне хотелось, не хотелось сидеть часами, как сейчас помню. Мне ставили пластинки с романом Жюль Верна «Дети капитана Гранта». Я его почти весь прослушала, этот огромный и скучноватый роман, покуда не завер-

⁶ «Гражданское управление (на правах губернского правления) на территории Китайской Восточной Железной Дороги. Административное отделение. Марта, 7 дня, 1907 года, N 514, Харбин, Манчжурия. (Штамп типографский). Удостоверение. Гражданским управлением разрешено представителю сего Константину Гавриловичу Чудинову иметь у себя на квартире револьвер, что подписью и приложением казенной печати удостоверяется. Удостоверение действительно по 1 января 1908 года. Помощник управляющего дорогой по гражданской части генерал-лейтенант в отставке (подпись неразборчива). Начальник отделения (подпись неразборчива). (Печать)». Упомянутый выше наган был во время обыска тайком вынесен из дома и брошен в колодезь маленьким сыном Константина Гавриловича. Что, впрочем, не помогло.

шилась работа над картиной. Нет, Вера не стала писать копии Веласкеса с немного измененным лицом, это был бы слишком банальный путь. И свет и техника – совсем иные. Но художественная игра, тем не менее, понятна с первого взгляда. Сестра теперь видит в этой своей работе какие-то недостатки, но уж это простым созерцателям вроде нас с отцом непостижно.

Портрет предполагался для моей детской, но папа в последний момент его решительно присвоил и повесил у себя.

Все же мы с отцом очень любим друг друга. В девять лет я заявила ему, что его воззрения «устарели и незачем навязывать их новой эпохе». В ответ он шлепнул меня по месту, обыкновенно не называемому вслух. После чего мы около полугода не разговаривали, а вся остальная семья пребывала в заложниках этой милой распри.

Положительно, мы друг друга очень любим.

А папин кабинет обычно к моим услугам по полгода – летом он в экспедициях, до первого снега – охотится на Каме, в имении дяди Сергея Константиновича. Да и в Бусинки ездит все чаще.

Так за дело, Нелли! Человек, и зверь, и пташка, все берутся за дела. Ты теперь из государственной необходимости подменяешь целый Институт Истории. С почином!

На папином огромном бюро стоит неплохой ординатор, соединенный с печатным устройством. Третья модель «Проксимы». На нем можно редактировать текст, менять шрифты, даже макетировать. Это весьма удобно. Хотя, по чести сказать, было бы куда удобнее обзавестись таким ординатором, как у Ника, ну, может быть, чуть попроще. У Ника, конечно, чудо, а не ординатор. Он не встроен в линейку «Проксимы», ибо ну совсем иная песня, этот второй «Валдай». Нам бы домой хоть первый. Но чтобы тоже имел функцию связи с устройствами других пользователей. Это же прелесть, что такое – сидишь за столом и пишешь записки хоть в Брест-Литовский, хоть в Верный, а то так и во Францию. Безумно дорог сей ординатор, мне не по средствам, но папа-то может такой купить. Еще не очень вошли в употребление эти мудрые машины, привычки к ним нет. Вот съездит папа на Каму, вернется в должном расположении духа, тут-то и надо подступиться с уговорами.

Что самое обидное – уговаривать придется долго, а потом, как войдет во вкус, как сравнит, насколько это удобнее нынешней глуповатой железки, так будет за уши не оттащить. За солёные пермские уши.

Как же отец любит свой Урал... Строго говоря, наша нянька Тася нарочно была привезена с Чусовой. Само собой, я с младенчества знаю и про Синего Зайца, что бежит по шахте к удаче, и про Огневушек-Поскакушек, указывающих золотую жилу... Одна беда – перед гимназией обнаружилось, что я, вслед за Тасей, изрядно «окаю». То-то был повсеместный ужас. Меня кинулись переучивать и расстарались до того, что мое московское «аканье» до сих пор немножко чрезмерно.

Но, как отец ни старался, а все-таки я москвитянка. Только один раз в жизни я действительно ощутила всей душой свою уральскую принадлежность.

Мы бродили с папой по полю, посреди которого стоит та самая вековая липа, одинокая, могучая. Собирали мы душицу для чайной смеси.

«Ты понимаешь, что это все бы у нас отняли? – спросил вдруг отец. – Эту землю, эту липу, под которой я отдыхал ребенком, эти холмы? Ты вот любишь историю Белого Дела. А это ты способна понять?»

Я ничего не ответила. Я только опустила на колени и, не жалея ни ногтей ни батистового платочка, добыла горстку земли и завязала ее в узелок.

Он тоже ничего не сказал. Но он понял, что я поняла.

Щепотка земли, взятая меж Князевкой и Полуденной, хранится у меня в коробочке из селенита. Когда б ни дедушка Михаил Гаврилович, да ни Колчак Рифейский...

Колчак, Нелли! Колчак.

Губы мои невольно зашевелились, повторяя заученное наизусть еще в отрочестве.

«Я клянусь честью, что будет сделано все возможное, дабы ни волос не упал с головы невинного.

Я клянусь честью, что будет сделано все возможное, дабы явить милосердие к тем, кто сбился с пути в эти смутные и темные времена, кто обманывался или был обманут.

Я клянусь честью, что те, чьи руки обагрены русской кровью, должны теперь трепетать. И пусть они трепещут – уже сегодня, уже в сей час».

Февральская речь. 1921-й год.

Общественная реакция, Ник? Я настроила печатное устройство на два экземпляра, подложила бумаги. Копия пойдет в мои архивы.

Общественная реакция? Было тихо. Было очень тихо. Либертинцы поднимают крик о «тираниях» и «деспотиях» единственно тогда, когда уверены, что лгут. Даже если лгут при этом еще и сами себе. Это у них на уровне инстинктивном. Почуввав строгость, они в мано-вение ока делаются всем довольны, такое племя.

Но диктатура была совершенно необходима – после всего ужаса, в котором оказалась страна. Вернуть монархию сразу – нет, утопические замыслы в итоге стоят слишком дорого. Светлейший, тогда еще просто Адмирал, сам шел к монархии неспешными шагами. Не все поняли поначалу, куда он следует. Как вычищал он еще в 1918 году социалистов, сторонников Директории... А не все ведь сразу заметили, что в награждениях Правитель не жалуется наград, которыми ранее мог жаловать единственно Государь. Временное правительство, оставив традиционные награды, позволяло себе все. Правитель же не поднимался выше ордена Св. Анны или Владимира II степени...

Десять лет диктатуры были суровым, очень суровым временем. Но, вне сомнения, благодетельным.

Ох, как мы на первых курсах спорили о том с Нинкой Трубецкой! Нинка – фрондерка, она осуждала Светлейшего за «демонстративную жестокость».

Может быть, я тоже жестока, я не знаю. Может быть, как говорит Наташа, у меня слишком живое даже для литератора воображение. Но когда я думаю о первых двух-трех годах диктатуры, душа моя наполняется каким-то мрачным ликованием, почти восторгом.

Даже то я одобряю всей душой, что казни были публичны. «Люди вправе видеть возмездие тем, кто убивал их детей и жен». Да, тысячу раз, да! Видеть нечто большее, чем строка в газете.

Многие пеняли Адмиралу за то, что для красных вождей он установил казнь через повешение. Некоторые и до сих пор этим недовольны.

Но ведь именно к повешению были некогда присуждены другие мерзавцы – декабристы. Иудина смерть. Они не были достойны чистой, великодушной пули – после всего, что они творили.

Было жестокое время. Люди очень хотели справедливости. Большевицкая верхушка заслуживала не только смерти, но и позора.

Кто из врагов вел себя достойно, Ник? Надо поискать, хорошенько поискать. Все, о ком я знаю, вели себя даже не как трусы, но как одержимые.

Один из царевубийц, Войков, трижды падал в обморок, когда пришли вывести его на казнь. Его приводили в чувство водой, нашатырным спиртом. Он не хотел идти, падал на пол, бился. И кричал что-то вовсе несуразное. Я, кстати, его бред запомнила, хотя и не знаю, для чего помнить судороги помраченного мозга. «Нет, нет, вы все немолодые, вы не можете меня убить! – кричал он. – Вы не можете, цыганка говорила... Цыганка говорила, это будет мальчишка! Вы меня не убьете, я не вижу мальчишки!»

Бред, конечно. Панический бред труса. Природные убийцы ведь почти всегда трусы.

Отчего-то в моем сознании промелькнуло имя: Коверда.

Полно, успела подумать я. Сейчас не о моем литературном признании речь. О почтеннейшем Борисе Софроновиче я подумаю после. Я выполняю поручение моего Государя, это не шутки.

И тут меня опять скрутило в бараний рог. С новой силой, поскольку я было успокоилась, я не ждала.

Мне слишком отчетливо примнилось, будто папин кабинет, эта моя всегдашняя цитадель, на глазах меняет свои очертания. Пропали портреты, пропал пейзаж с «липой вековой» – да и висеть им, строго говоря, стало негде. Исчезли три огромных кресла, в которых так удобно вести разговоры. Стены сдвинулись. Это по-прежнему был папин кабинет – но такой крошечный! С кладовку размером, разве что в кладовке не бывает окошка.

Глаза мои остекленели от какого-то непереносимого внутреннего холода, зрение сделалось нечетким. Нет, нет, страх убивает разум! Наташа уверяла, что меня не затянет **туда**, стало быть, не затянет. Я просто разведчик. Я должна понять, что я вижу. А вижу я все же папин кабинет. Все равно родной, все равно знакомый. Те же ряды книг до потолка. Вот большая старинная икона Божией Матери держит на раскрытых ладошках острия мечей, вот стоит белая ботисатва из полупрозрачного алебастра.

Что различается, на что смотреть? Суть же не в этом кукольном размере, не в низком же потолке... Я поняла, я увидела. Большая часть отцовых вещей – здесь, пусть на каких-то иных местах. Но ни одной вещи деда. Ни единой...

Что случилось с дедом, папочка, что?!

Взрыв, даже не боль в затылке, а всепоглощающая вспышка какой-то светлой звезды в голове.

По счастью, стул у бюро – с высокой спинкой, не стул, а полукресло. Я не упала, когда на несколько минут лишилась сознания. Или это были секунды? Я ведь не глядела на часы, когда это все закрутилось.

«Non accedet ad te malum: et flagellum non appropinquabit tabernaculo tuo⁷».

Язык слегка заплетался. Следующий мой поступок был много меньше благочестив, чем чтение любимого псалма. Я подошла к папиному бару и щедрой рукой плеснула себе в пузатую рюмку самого лучшего из его коньяков.

Курить у папы запрещено, с тех пор, как он оставил эту привычку сам, но уж семь бед – один ответ. Я упала в кресло и с наслаждением затянулась сигаретой.

Не во сне, а наяву... Такого еще не бывало. Что-то послужило катализатором моих видений. Что? Видимо то, чем я занималась: погружение в первую четверть нынешнего века.

Да и началось-то все это, когда я заканчивала «Хранителя анка». Не очень-то приятно быть медиумом, надо признаться. Если я хочу, чтобы этот «сквозняк» прекратился, мне нужно одно – полностью отвлечься от сего исторического периода, по возможности просто о нем на какое-то время забыть.

Но как раз подобным образом я и не могу поступить. На то есть две причины.

Прежде всего – моя помощь нужна моему Государю. По счастью, Ник забыл, что сам же еще недавно связывал мой замученный вид с сиденьем в архивах над страшненькими бумагами. Дело не в бумагах, дело много хуже, как выясняется, только Нику этого знать как раз не нужно. Ему необходима моя помощь – и он ее получит. А уж чего мне это будет стоить – вопрос совсем иной. И никто, ну, кроме разве Наташи, которая все поймет, никто даже не догадается.

И затем, уж упоминая Наташу. Если она права – будет пик и будет спад. А я должна разобраться, сложить кусочки и обрывки. Я должна пройти этот путь до конца.

⁷ «Не приключится тебе зло, и бич не приблизится к шатру твоему». 90:10 (лат.)

Ainsi soit-il⁸.

Все, довольно изничтожать отцовский коллекционный коньяк и тем паче баловаться сигаретами.

Кто вел себя достойно? Уж определенно не Ленин. Все пытался, картавя, как все замечают, вдвое больше своего обыкновения, убедить «разобраться в вопросе». С этим криком «Разобраться!!» хватал конвойных за пуговицы, за полы, за рукава.

Перед моим мысленным взором вдруг, словно наяву, возникла страничка одного, всего лишь одного свидетельства злодеяний Ленина. «...прекрасный план! Доканчивайте его вместе с Дзержинским. Под видом „зелёных“ (мы потом на них и свалим) пройдем на 10—20 вёрст и перевешаем кулаков, попов, помещиков. Премия: 100.000 р [ублей] за повешенного⁹». Тут, само собою, «разбираться» было не надо.

Так и рухнул с виселицы с криком «Разобраться!!»¹⁰

Дзержинский, чьи подручные обучались пыткам у китайцев, Дзержинский, которого никто не пытал и даже не бил, перед казнью все умолял дать ему кокаину.

Мы ведь, кстати, были вполне пощадливы. Даже тогда. Жене Ленина разрешили выехать из России. Потом доживала в нищете, отчаявшись вытянуть из своих сотоварищей какую-то толику Шмитовских денег.

До сих пор ломаю голову над тем, правильно ли помиловали Сталина-Джугашвили, сочтя второстепенной фигурой. Хотя принудительные работы тот отбывал прилежно, видимо, рассчитывая, что пожизненное заключение сменят на двадцатилетнее. Прощения о том слал ежегодно. Не дождался, конечно, хоть и всячески намекал на готовность быть полезным в привычной для каждого бывшего большевика роли доносчика.

Как вел себя Троцкий – сказать трудно, единственный свидетель был не из тех, кто оставляет показания. Всяк знает, что Троцкому удалось улизнуть за границу. Но Правитель сказал – «Никто из виновных не останется безнаказанным». В 1923-м году возмездие настигло Троцкого в Швейцарии, на модном горном курорте. (Уж он-то, в отличие от глупой Крупской, стеснен в средствах не был). Чем там его прибили, ледорубом, кажется? Ездить с револьвером – не слишком удобно, его запомнит любой таможенник. Чем могли, тем и сработали. Один там человек был или двое – не вем.

Но Троцкий – одно из немногих исключений, о последних часах и минутах большинства известно все.

Где доводилось встретить мужество, Ник? Да у простых. У матросов – иной раз. Но их, увы, нельзя было оставлять живыми. В подобных существах огонь безумия тлеет, пока они живы. Вспыхнет в любой момент.

«Не убивайте меня ради ребенка! – умоляла молодая заложница. – Он же без меня пропадет!»

«Да не бось, дадим и ему **маслинку**». И ребенка застрелили вперед матери.

Они были мужественнее своих «вождей», но их надлежало перебить, как бешеных собак.

Из солдат миловали очень многих, из матросов – почти никого.

⁸ Аминь. (франц).

⁹ РГАСПИ, ф. 2, оп. 2, д. 380 – автограф.

¹⁰ Писатель Максим Горький откликнулся на казнь Ленина из-за границы статьей «Убийцы!», где проклинал новые власти за «хладнокровную жестокость». Когда корреспондент «International Herald Tribune» (первое иностранное издание, взявшее интервью у Правителя) сослался на Горького, Колчак пожал плечами: «Если жестокость необходима, лучше ее хладнокровная разновидность, чем яростная. Нет ничего страшнее палача с чувством». Затем Правитель спросил у журналиста, согласится ли издание, прежде, чем продолжить разговор о жестокости, опубликовать у себя выдержки из отчетов Комиссии Мейнгардта по расследованию преступлений большевизма. «Тогда вы, быть может, и будете готовы к обсуждению этого вопроса. А покуда страна лежит в руинах. Я не смогу в несколько месяцев преодолеть недостаток продовольствия и угля. Но людям будет легче это перетерпеть, если напитать их справедливостью».

Матросов, правда, попросту расстреливали.

Иногда мне снятся люди, приходившие смотреть на те казни. Они молчали, они почти всегда молчали. Только странная лучезарная улыбка пробегала иной раз по девичьим губам, только мрачный огонь вспыхивал в глазах немощной старухи, только стискивал кулаки подросток.

Итак, по первым двум позициям. Выраженной общественной реакции на речь Правителя не было. Умирили большевики не лучше, чем жили. Возможны исключения, я еще посмотрю.

Что же до роялистов, тут вопрос чрезвычайно любопытен. Прежде всего...

Мои мысли нарушил пронзительный телефонный звонок. Это оказалась сестра Вера.

С Бусинками плохая связь. Только телефонная, да и то...

– Нелли! Нелли, ты меня слышишь?! – Голос сестры был очень взволнованным, впрочем, несколько не огорченным. – Хоть ты сейчас в Москве! Ну, расскажи, как там всё?!

– Как – что, прости?

– Что, ты разве не знаешь?

– О чем? – Разговор начинал делаться каким-то несуразным.

– Ты хоть новости-то смотришь иногда? – Сестра вздохнула, явно обманутая в каких-то ожиданиях. – Или, к примеру, на улицу иной раз выходишь?

– Сегодня не выходила. Так что случилось?

– Тогда хоть включи новостную панель. Созвонимся после.

Сестра еще раз вздохнула и отсоединилась.

Глава XI Подвиг Миши

Новостная панель, так новостная панель. О чем таком, особо любопытном, может сегодня поведать покотившееся по тарелочке яблочко?

Три часа пополудни. Я засиделась за работой и сопряженными с нею грезами. Между тем – за окнами что-то шумновато для нашей тихой улицы, заросшей тополями улицы Николая Вавилова, параллельной Калужскому тракту. Я выглянула в окно. Да, сегодня улица наша была какой угодно, но не тихой. По ней, с шумными воплями, носились дети – все с разноцветными воздушными шарами, так и рвущимися в небо, грозя прихватить за собой маленьких владельцев, с ветровыми вертушками, с тещиными языками, хлопушками, варганчиками и барабанчиками. Это те, что поменьше. Дети постарше деловито расхаживали туда-сюда, многие, почему-то, в полной скаутской форме.

Сегодня что, праздник? Но какой? Я нажала на кнопку пульта.

Как мне сначала показалось, Великий Князь Михаил зачем-то предстал перед камерой в мотоциклетном шлеме. Во всяком случае, лицо его, занимавшее почти всю тарелку, было скрыто за прозрачным забралом. Станный, между тем, шлем... Да еще под ним какая-то плотная шапочка... Камера отодвинулась. Помимо шлема на Мише был несуразный костюм, наподобие водолазного, ярко малиновый, неправдоподобно ярко. Но Миша отнюдь не намеревался лезть в воду на этих кадрах. Я, кстати, заметила, что идет не прямая передача, а запись. Вокруг него стояло некоторое количество народу – все мужчины, многие в авиационной форме: морские кители с серебряными погонами. Ну и рядом какие-то штатские лица, отменно серьезные на вид.

Я узнала адмирала от авиации Юрия Алексеевича Гагарина, который что-то говорил, но не Мише, тот явно не мог слышать через свой несуразный головной убор, а окружающим.

– Повторяем передачу событий сегодняшнего утра с космического аэродрома Торетам! – возбужденно пояснил, наконец, диктор. – В любую минуту возможно прямое включение!

Господи, помилуй! Миша что, **в космосе?!**

Рука невольно сотворила крестное знамение. Вот так да, скучнее этого космоса не было для меня темы разговора, а теперь Миша там, где-то в высоте, среди холода и черной пустоты...

Миша уже поднимался по какой-то высокой-высокой лестнице, неуклюжий в своем странном наряде.

Все пузеля вдруг взяли и сложились в ясную картинку! От неожиданной Мишиной «правильности» последнего полугода до нынешних молебнов по храмам. Ник, Господи помилуй, Ник, почему ты послал Мишу?

А кого же еще?

Кого же еще может направить в неведомое русский царь, как не своего брата?

Случайно ли, что Миша – шеф Александровской Академии Воздухоплавания?

Тарелка показала Мишу уже внутри какого-то небольшого отсека наподобие корабельного, полулежащим в огромном и странном кресле.

– Я Романов-восьмой, как слышите? – произнес его искаженный техническими устройствами голос.

– Слышим хорошо, – ответил Гагарин в нарочно поднесенный ему каким-то младшим чином микрофон. – Космолетчик Романов, к полету готов?

– Всегда готов! – Я не могла определить по голосу, но угадала улыбку в скаутском девизе, случайно совпавшем со столь взрослым делом.

– Что же... – Гагарин промедлил несколько мгновений, ощутило справляясь с волнением. – Вперед, сынок!

Мишина рука куда-то потянулась. Изображение сменилось с внутреннего на наружное.

Я зажмурилась: из этой огромной белой штуки забил огонь, и она рванула вверх.

У меня стучало в висках, сердце колотилось, как на бегу. Долетали какие-то слова: «миллионы лошадиных сил», «апогей», «перигей»...

Я не хотела притворяться перед собой: вовсе не знаю, сколь долго я смотрела бы в новостную панель, если б летел какой-то мне неизвестный человек. Современная техника со всеми ее замечательными успехами мне не очень интересна. Я – безнадежный гуманист, я смотрю не вперед, а назад, во тьму времен. Как я сама шучу, техническое мое развитие остановилось на тех пулеметах, в которых во время боя можно было заваривать чай. Я бы, конечно, порадовалась, что мы, как всегда, обогнали всех и прочая таковая, но радость моя вышла б вполне умозрительной.

Зато сейчас мне не до радостей вовсе. Отчего я слишком поздно включила новости? Уж сказали бы главное, сейчас-то что происходит?! Что они все уже праздновать наладились? Либо я ничего не понимаю, либо все-таки лучше в таком деле праздновать возвращение, а не запуск!

Мишка, маленький Мишка – где-то в непостижной уму дали, а вокруг и воздуха-то нету... А каково сейчас Великому Князю Андрею Андреевичу?! А Нику?!

Я попыталась сосредоточиться на линзе тарелки. Включение теперь шло прямое, но показывали Гагарина – уже в каком-то помещении с темными панелями, быть может – в его служебном кабинете. Да, место было присутственное: мореный дуб, бронза, зеленое сукно, портрет Ника в полный рост на стене.

– Ваше Высокопревосходительство, – спрашивал донельзя взволнованный и какой-то весь взъерошенный журналист. – Что вы могли бы сказать о сегодняшнем событии?

– Что тут скажешь, – Гагарин как-то очень молодо улыбнулся. – Помню, и сам мечтал полететь – в годы-то Великого Князя, ну, или чуть старше. В действительности мы могли бы осуществить этот полет лет на двадцать раньше. Отечественная научная мысль это уже позволяла. Но перед Империей стояли иные задачи, более насущные. А прежде всего – о ту пору космические полеты явили бы слишком большой риск для жизни человека! Вероятность гибели космолетчика тогда составляла примерно 60%. Видит Бог, как я, молодым, мечтал рискнуть! Но в случае моей гибели Дума лет на десять заморозила бы все расходы на космос. Поэтому было принято решение бросить все силы на развитие вычислительных технологий. На сей день мы свели вероятность риска к 20%. Что, конечно, нисколько не умаляет заслуги и храбрости Его Императорского Высочества. Но люди, живые люди важнее всего. Мы готовились без спешки. Русские, как известно, долго запрягают, зато ездят быстро.

– В прямом эфире: адмирал от авиации Юрий Алексеевич Гагарин уже вернулся из космического аэропорта Торетам в Москву и ожидает развития событий.

Все это прекрасно, но Миша-то где? Сколько он еще пробудет в этом космосе?

– Его Императорское Величество в эти минуты, нам сообщают, высочайше благоволил лично вылететь в Покровск. Через час его персональный борт прибудет на аэродром города. Государя сопровождают...

Покровск – это на Волге же. Зачем Нику туда лететь?

Седовласый господин, одних лет с Гагариным, чье изображение появилось на сей раз, в небрежно наброшенном на плечи белом халате, из-под которого виднелись ворот форменной тужурки и петлица с эмблемой Академии Наук – Кунсткамерой, был заснят на фоне какой-то лаборатории. За его спиной мерцали металлические шкафы, светились линзы, перемигивались лампочки.

– Ваше Высокопревосходительство!

Стало быть, академик, не разберешь, видно плохо. Ну и что далее? К академику приставала хорошенькая девица в модном расклешенном платье с облегающим лифом.

– Ваше Высокопревосходительство! – девица тоже казалась взволнованной, поэтому повторялась. – Согласно сделанному сегодня правительственному заявлению, космический корабль вышел на орбиту и обогнул Землю. Как это потрясающее событие оказалось возможным? Ведь до сей поры принято было считать...

– Я знаю, что считалось до сей поры, – академик остановил журналистку властным жестом руки. – Иной раз изобрести что-либо много проще, чем предотвратить скоропалительные толки об изобретении.

– Адмирал Гагарин только что сказал, что полет вокруг Земли был бы возможен еще двадцать лет назад, – продолжала наседать на ученого журналистка. – Так ли, что нынешний выход в космос был отложен ради развития вычислительной техники?

– Mademoiselle, а на чем вы будете сегодня печатать свой редакционный отчет? – неожиданно спросил академик.

– На пятой «Проксиме», – не без гордости сообщила девица.

– То есть на ординаторе? А вам бы понравилось летать в космос, а тексты набивать на печатной машинке? – усмехнулся академик. – Причем заметьте, в космос бы летал кто-то другой, а вот печатали бы на машинке лично вы.

– Печатала бы на машинке? – не поверила девица. – Но последнего такого допотопного монстра сдали в музей, когда меня и на свете не было!

– О том и речь.

Академик продолжал говорить, но я отвлеклась, вспомнив отчего-то недавнюю ёрническую статейку Джульетты Латыповой. Вот ведь села в лужу. Впрочем, я много раз замечала то, чего никогда не могла понять: левой публике никогда не бывает неловко. Я б на ее месте спряталась от всех подальше после таких баснословных своих прогнозов. Но Латыпова не спрячется. Начнет как-нибудь выворачиваться.

– В прямом эфире был директор Научно-исследовательского института имени Владимира Шухова, действительный тайный советник, академик Всеволод Игоревич Рябинин.

Право слово, так бы и разбила эту глупую тарелку, которая то о пятом, то о десятом!

– Через несколько минут будет установлена связь с хуторянином Иваном Петровичем Кулёвым, который, выехав сегодня на уборку урожая, оказал всю первую необходимую помощь Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу после его успешного приземления... Иван Петрович, вы нас слышите?

Уфф... Гора с плеч. Ну а я, как всегда. Я, стало быть, пропустила не только взлет, но и посадку. Они, должно быть, уже несколько часов о том говорят. Потому все уже и празднуют. Неужели в космос летают так ненадолго? Я-то думала... Впрочем, я об этом вовсе и не думала, по чести-то признаться.

Тарелка, как калейдоскоп, крутила картинку за картинкой: Михаил поднимается по лестнице, корабль рвется вверх, Гагарин в своем кабинете, Рябинин в лаборатории, еще какие-то ученые мужи на фоне огромной конструкции непонятного назначения, смущенное лицо хуторянина, принарядившегося в белую сорочку с галстуком – очевидно не тот наряд, в котором он сегодня выехал в поле.

Мишины слова, на фоне сменяющихся картинок, слова с металлическим привкусом:

– Романов-восьмой, как слышите?

– Всегда готов!

И вдруг, неожиданное, с волнением, явственным даже сквозь механические передатчики:

– Вижу Землю. Она играет, как опал-арлекин.

Тут и мою душу, впервые, затронул восторг, испытываемый, наверное, всеми в стране, да и во всем мире...

Ай да Его Императорское Высочество, ай да герой! Я сбросила домашние туфли и закружилась по комнате – как в гимназические годы, волчком, кружилась, пока ни упала на ковер, задыхаясь и хохоча.

А новости все шли и шли непрерывным потоком – и все только об одном.

– ... Просчет относительно места приземления... Несомненная опасность упасть в воды Волги... Великий Князь, управляя стропами, воспользовался воздушным течением, чтобы направить парашют в сторону суши...

Я невозможна, я знаю. Стыдно признаться, и поэтому лучше никому и не признаваться: я думала, вся эта штука как взлетела, так и села. Наподобие обычного аэроплана. А оказывается, Миша он что, еще и с парашютом спускался? Впрочем, после того, как ему Земля с опал-арлекин, так это и пустяк, вероятно.

А Ник не удержался, помчался встречать. Это, верно, из-за того, что он-то знал – не все идет гладко. Уж ему-то каждую минуту докладывали.

Или я ничего не понимаю, или у кого-то (ну, не у Ника, само собой) будет мигрень протокольного характера. Ему должно, строго говоря, торжественно встречать героя в Кремле. При распахивающихся дверях Георгиевского зала, на глазах у толпы в мундирах и дамских туалетах, сообразных дневному либо вечернему времени приема. Под музыку, наконец. Вот тогда можно и поприветствовать.

А отнюдь не раскрывать друг другу объятия среди тракторов и сноповязалок, пред входом в большой амбар. А журналисты между тем каким-то непостижным умом образом уже тут как тут. И теперь камера отчетливо показывает нам и сияющие глаза Ника и осунувшееся, усталое, но тоже неимоверно довольное Мишино лицо. Хорошо хоть, не слышно, что они друг другу говорят. Смеются. Смейтесь, смейтесь, не вам разгребать протокольную несурязицу.

Михаил уже не в своем, как это сказали только что, «скафандре», а в спортивном костюме и рабочей куртке, которую, по всему судя, одолжил на хуторе.

– Я было думал, аэроклуб проводит занятия, – повествовал, между тем, неожиданно прославившийся хуторянин Кулёв. – Одежда необычная, ну да мало ли, моды быстро меняются. Подрулил для порядка, спрашиваю, в полушутку так: «В порядке все? Руки-ноги целы?» «А он мне в ответ: «Ох! Слава Богу! Речь-то русская! Не промахнулся!» Тут уж я смешался: парашютист и вдруг не знает, в какой стране прыгает? А вон оно как...

Как же хорошо, что все это благополучно случилось, и как же мне повезло, что я ничегошеньки не знала не только заранее, но и вовремя!

А завтра, завтра, вероятно, будет все сразу. Я словно воочию видела уже перед глазами и открытый «Руссобалт», проезжающий во главе автомобильного кортежа и по Калужскому тракту, и по Тверской, и по Красной площади, толпы народа с цветами и флагами, и Патриарший молебен в Успенском соборе, и торжественный прием в Георгиевском зале, в белозолотом чертоге Георгия Победоносца, уланного древесным ковром своего немыслимого паркета...

Все это будет, и все это будет великолепно. И уж вне всякого сомнения отойдет на второй план эта противная Конференция. (А может она и вовсе закончилась? Я ж новостей не смотрела сутки).

Сегодня я не стану больше трудиться, уж прости, батюшка-царь. Надо телефониловать Катерине, что следит в родительское отсутствие за квартирой, чтобы помогла разобраться с моими платьями. Чутье мне предсказывает, что понадобится дневное белое. Вечернее белое, впрочем, тоже может пригодиться. И надо почистить в мыльной воде жемчуг, мне, как незамужней девушке, к сожалению, не положены мои любимые алмазы.

Впрочем, отнюдь не алмазы станут в самой чести в грядущем осеннем сезоне.

Или уж я совсем ничего не понимаю, или в ближайшие дни в обеих столицах невозможно будет ни за какие деньги раздобыть изделия из радужного опала.

Глава XII Еще один иноземец

- У телефона.
- Наташа, это Нелли, добрый день. Знаете, а вы мне сегодня снились.
- И, поди, интересно снилась-то, коли сразу не позабыли? Добрый день, Нелли.
- Весьма интересно. В наряде цыганки, эдаком, знаете ли, пестром... И с картами в руке!
- Если цыганка, то куда же без карт. И что, я вам – гадала, надеюсь?
- Нет. Не гадали... Вы... – Я промедлила немного, вспоминая получше свой сон. – Там был такой столик, круглый, покрытый китайской синей скатертью. – Вы положили на этот столик три карты. И одну открыли, это оказался туз желдей. А две оставили рубашками кверху. И сказали: «Еще не время». А потом еще прибавили: «Большая нынче игра».
- Хороший сон.
- Как же я люблю затаенную улыбку Наташиного голоса! Я сильнее прижала трубку к уху.
- Только я запомнила, что подразумевала в тот момент, когда вам снилась...
- А я-то так надеялась, что вспомните...
- Мы засмеялись.
- Вы определились с итальяскими планами, Нелли? Или вас тоже отвлекла космическая тема – даже от конклава? Сейчас все только об этом и говорят.
- Кроме вас. Вас-то не было на приеме. Или я умудрилась не разыскать в толпе.
- Немного болела голова, к сожалению.
- А сейчас? Вам лучше?
- Да, благодарю, это все пустое. Так что Ватикан?
- Я улечу послезавтра. А можно к вам забежать перед отъездом?
- Завтра... Вполне можно, если вы не поставите себе целью сообщить мне, что солнце встало.
- То есть после полудня?
- Гмм... – Наташа задумалась. – После-то после... Но я, все же, съезжу на часок в редакцию. Не дает мне покоя эта переписка Гумилёва. Новые два письма вставили, а все ж – свой глазок смотрок. Заходите-ка лучше в начале четвертого. Я уж сброшу камень с души и буду совершенно свободна.
- Хорошо, в начале четвертого, так в начале. А вы на автомобиле в редакцию поедете?
- Нет, подземкой. Ну его, этот автомобиль, вовсе. Как Юрий с Гунькой отбыли, я его ни разу со стоянки не выводила.
- До завтра, Наташа!
- Пока до свиданья.
- Пора бы и взяться за французских роялистов начала века. Торжества отгремели вчера, оба белых платья валяются вперемешку с туфлями и чулками на полу моей спальни, с надеждой ожидая появления Катерины.
- О, нет! Отключить было б эту панель, и телефон заодно. Я, вздохнув, поправила волосы и нажала кнопку соединения.
- Госпожа Чудинова?
- Человек, возникший по другую сторону тарелки, знаком мне не был. Лет, быть может, немногим больше двадцати пяти, с располагающим открытым лицом, но с какой-то неуловимой странностью в манере себя держать.
- Да, это я. Чем могу быть полезна?

– Прошу меня извинить за беспокойство, мне подсказали в издательстве, как с вами связаться.

Могли бы, спервоначалу, и у меня спроситься, к слову сказать. Впрочем, вчера я весь день была в Кремле. Посмотрю по обстоятельствам, прощать ли оплошность.

– Позвольте представиться: Юджин Костер, славист и также – глава литературной редакции в «The new Epoch».

Вот оно что – еще один американец на нашу голову. А этому что нужно?

– Елена Петровна, можно было бы встретиться с вами, дабы побеседовать о вашей книге? Я только что имел удовольствие ее прочесть. У наших читателей есть несомненный интерес к русской истории и русской литературе, вы же счастливо сочетаете в своей работе оба эти явления.

– Да, разумеется. Единственное затруднение – я на неделю или больше уеду сейчас за границу. Но по возвращении...

– Побояюсь оказаться назойливым, но не могли бы вы уделить мне час или два перед отъездом? В эти дни у нас только о России и пишут – поймите меня как журналиста, момент исключительно благоприятный. Мне хотелось бы взять у вас интервью. Рецензия также будет, но интервью – интервью сейчас важнее.

– Что же... Часа полтора я сумею выкроить. Вы смогли бы приехать на Калужский тракт? Ближняя станция подземки называется «Профессорский уголок». Мы можем выпить где-нибудь чаю.

– Превосходно! – Американец просиял. – Рискну показаться уж вовсе навязчивым, но быть может лучше, если возможно, сделать несколько фотографий в домашней обстановке, за письменным столом и прочая таковая? Фотоаппарат у меня при себе.

– Ну, не ржаветь же фотоаппарату. – Я продиктовала адрес.

Костер появился с такой быстротой, словно караулил под моими окнами.

В родительской квартире две гостиных, мы называем их «теплая» и «холодная». «Теплая» украшена моими любимыми гобеленными арабесками, акварелями и карандашными рисунками сестры, все в ней светлое – и стены, и портьеры, и ситцевая обивка мебели из карельской березы. В ней мы сидим обыкновенно с друзьями. В «холодной» стены зеленые, висят по ним маринисты и пейзажи, под стеклами видны всевозможные родительские награды, а обставлена она в стиле ампира. Эта комната – для более официальных okazji. В нее-то я и пригласила американца.

– О вас много говорят сейчас, госпожа Чудинова. Такой молодой литератор – и баталистка. Странный дебют для молодой девушки. В этом есть своеобразное обаяние.

В реальности Костер оказался симпатичнее, чем на плоском изображении. Голубые глаза, светлые волосы, зачесанные назад, что ему, впрочем, шло, спортивная фигура, ну и да, некоторая американская то ли разболтанность, то ли мальчишество. Того и гляди, положит ноги на стол. Я определенно знаю, что с ними это случается. Но одет с достойной скромностью, воротнички рубашки и зубы спорят меж собой о большей белизне.

Но спасибо, по крайности, что не кидается пожимать руку – ужасная привычка, чисто новосветская, слава Богу. Но, если быть справедливой, верно и американцам странно наше поведение, то, как мы целуемся, если коротки, а не очень, так ограничиваемся мужчины поклоном, а дамы – кивком. И что мужчины наши обнимаются вместо рукопожатий – им, бедным, тоже, поди, необычно.

– Позвольте, для удобства, вам предложить такой ход нашего разговора. Я задам вам множество вопросов, ибо и нашим читателям, и мне, как слависту, интересно весьма многое. Но если вопрос покажется вам слишком личным либо неприятным, вы просто не станете на него отвечать. Но сердиться не будете, ибо извините мне профессиональный азарт. Вас можно об этом попросить?

Костер улыбался слишком широкой американской улыбкой, но в ней было опять же что-то мальчишеское. Я невольно сравнила его с Джоном – и не в пользу Джона, при всем светском лоске последнего. У Джона – у него улыбка взрослая, хотя сам Джон и моложе.

– То есть вы хотите, чтобы я извинила вас заранее? Не означает ли это, что вы таки лелеете намеренье засыпать меня несообразными вопросами?

– Да, пожалуй, не без этого. – Костер откровенно развеселился. – Какой же я иначе журналист?

– Хорошо, прощаю за прямоту. Заранее. Вы будете записывать? Я могу рассчитывать получить текст интервью на сверку?

Сама б я ни о какой сверке не подумала, конечно, но, едва книга пошла в типографию, от меня категорически потребовала подобного обещания Наташа. «Только так и никак иначе, Нелли!»

– Разумеется, я пришлю вам текст. Я не делаю записей на ленту, у меня превосходная память. Итак, начнем, благословясь, как вы, русские, говорите?

– А вы действительно хорошо владеете русским языком. И говорите почти без акцента.

– Госпожа Чудинова, мне было б и неприятно услышать иное. Я весьма серьезно изучал ваш язык.

– Так начнем. Чем вы удивите для начала?

– Вы – светская особа? По слухам, вы часто бываете при дворе, лично знакомы с Императором? Это объясняется положением ваших родителей? Ведь ваш отец был самым молодым лауреатом Менделеевской премии?

– А вот тут вы ошиблись. Мой дядя Николай Константинович все же моложе отца. На три года.

– Так у меня неточные сведения? – Костер нахмурился. – Вы не дочь, а племянница Менделеевского лауреата?

– Дочь, – я засмеялась. – И племянница.

– Погодите... – Собеседник мой, похоже, слегка растерялся. – Вы хотите сказать, Елена Петровна, что в вашей семье – двое Менделеевских лауреатов?

– Отец раскопал Очёр, да, еще довольно молодым.

– Звероящеры, о, конечно, я читал об этом.

– А дядя один раз не поверил, что окраска минеральных солей объясняется содержанием окислов железа. И что микробы, которых показывает микроскоп, современны. Ну и разработал такую установку... О, лучше не расспрашивайте подробно безнадёжного гуманиitaria! Словом, дядя каким-то образом доказал, что соляным микробам – 250 миллионов лет¹¹. Ему долго не верили, но затем вручили Менделеевскую премию. У дяди Николая Константиновича парадоксальное мышление. Он всегда ищет то, чего никому не приходит в голову искать. Но довольно часто и находит.

– Потрясающе! Для интервью это великолепный факт – два лауреата Менделеевской премии в вашей семье, ладно б еще Нобелевской, но Менделеевской... Не удивительно, что вас принимают при дворе.

– При дворе в любом случае принимали бы моего отца. – Американская наивность Костера немножко смущала, но я постаралась проявить терпение. Он же не виноват, что родился в республике. – Да и моя мать также не просто супруга, а известный кораллист. Но из этого никак не следует, что мне непременно нашлось бы место на приемах в Зимнем Дворце. Могло и не найтись. Я же не отец и не дядя. С Его Императорским Величеством мы просто учились с восьмилетнего возраста в одной школе верховой езды. В так называемых Больших Московских Конюшнях. Это в Нескучном саду.

¹¹ Подробнее – в научно-популярном фильме «Узники Пермского моря», «Ленфильм», 1970 г., реж. Т. И. Иовлева.

– Но ведь, вероятно, это весьма привилегированная школа?

Бедняга. Впрочем, опять же – не его вина. И надлежит все разъяснить этим несчастным читателям его газеты, чтобы поменьше нелепых мифов о нашей стране жило в их головах.

– Самая обычная спортивная школа, кто угодно может записать в нее своих детей. Видите ли, у нас считается, что образование, любое образование, должно быть на очень высоком уровне повсеместно. А что явилось бы лучшим доказательством тому, что мы преуспели, как ни то, что наши Великие Князья и Великие Княжны учатся в самых обычных учебных заведениях? Вот и Император также занимался в общих конюшнях. Впрочем, только до тринадцати лет. Дальше Его Величество действительно был записан в особый манеж, но это уже в столице. Только на то была простая необходимость. У нас, как и у вас, насколько мне известно, танковые, к примеру, войска до сих пор называются кавалерийскими. Но в каждой дивизии у нас есть сводный полк, конный либо пехотный. Уж в прямом смысле – для парада. И тут уж нужны навыки особой выездки. В обычных школах таким не учат, а Императору это необходимо. Есть только три манежа, где этим занимаются. Да, туда действительно поступают преимущественно юноши из Бархатной книги, уж такова традиция. Но это лишь традиция, не правило. Вы удивлены, я вижу, возможно, и сомневаетесь в моих словах. Но именно так дело и поставлено в Российской Империи. Покойный Император Павел II еще на заре своего царствования сказал: «В стране не останется ни одного учебного заведения, получение образования в котором не явилось бы причиной безусловной гордости выпускника»¹².

– Но при этом у вас ниже образовательная планка, чем у нас. – Костер очевидно решил поспорить. – Семь классов, для американца обязательны десять.

– Да, мы не пускаем на ветер ни денег, ни времени. Для весьма многих достойных подданных семи классов хорошего образования более, чем достаточно. Отнюдь не все предназначены в этой жизни следовать в университеты. Так зачем? Главное, что наша образовательная система не связана с финансовыми обстоятельствами родителей.

– Я многое читал о России. Да и нынешний мой приезд – уже четвертый. И все же – все это так любопытно... Простите, я скачу с пятого на десятое и даже слегка отвлекся от темы нашего разговора, что уж вовсе непрофессионально.

Течение нашей беседы слегка сбилось, поскольку я предложила посетителю коктейль. Не чай же ему предлагать, что американцы понимают в чае.

Пока я доставала из бара стаканы и трясла шейкером, Костер оглядывался по сторонам.

– Я примечал, что портреты Императора Николая нередко висят в России в частных гостиных, – заметил он. – А у вас такого не вижу.

Вот уж не объяснять же ему, что портрет у нас есть, только он висит в «теплой» комнате. Как уж очень любимый.

Лет двенадцать-пятнадцать назад вид наших казенных учреждений был смягчен довольно умильной деталью: Ник-то на официальных своих портретах – облаченный то в гусарский доломан, то в морской сюртук, то в сюртук авиаторский, то в горностаевую мантию – был, как-никак, ребенком. Затем эти портреты потихоньку стали вытесняться портретами юноши, молодого человека. Присутственные места, они и есть присутственные. Подозреваю, что порсуны десяти и двенадцатилетнего Ника государственные служащие радостно разобрали по домам. О, как же были его многочисленные детские портреты популярны, и, о Боже, как он ненавидел позировать!

А у нас так и остался ранний портрет, к тому же из неофициальных. Один из самых, на мой взгляд, удачных. В возрасте двенадцати лет. Тогда только началась мода на соколиную охоту. Ник изображен не только со своим беркутом на рукавице, но и в охотничьем наряде

¹² Подробнее об образовательной системе – см. примечание к гл. XVII

времен Алексея Михайловича, на фоне пронизанной солнцем березовой рощи. И мил он невообразимо. Хотя наш портрет и копия, конечно, но свою копию мы заказывали самому портретисту, Олегу Теневу. Так что почти оригинал.

Но рядом с этим портретом я ни для каких газет фотографироваться не буду. Нет и нет.

– Да, мы любим иметь дома портреты нашего Государя. Но это совсем не правило жизни. – Я улыбнулась.

– Вы превосходно смешиваете коктейли. – В глазах Костера вспыхнул озорной огонек. – Вопрос, который, несомненно, заинтересует наших читателей: часто ли вам доводится слышать, что у вас невообразимо красивые волосы?

– Часто настолько, что я давно уже ценю лишь те комплименты, в которых похвала относится хоть к *чему-то* другому. – Я решила немножко показать зубы.

Американец расхохотался и поднял руки, изображая, что сдается.

Он определенно начинал вызывать у меня симпатию. Конечно, совсем иной, чем мы, но не лишен определенного обаяния. А главное – не волочит за нашими царевнами.

– А почему у американской читающей публики появился интерес к нашей Гражданской войне? – в свою очередь спросила я.

– У нас ведь тоже была подобная война. – На лицо Костера легла тень. – Только раньше, но вы, вне сомнения, это знаете.

– О, конечно же, знаю! И я, конечно, на стороне конфедератов.

– Я ни мгновения в том не сомневался, прочтя вашу книгу. Но все же: в какой мере вы интересуетесь предыдущими гражданскими войнами в истории человечества? Думали ли о них, работая над романом?

– Безусловно. И задавалась довольно горьким вопросом: отчего во всех предыдущих войнах побеждала не та сторона?

– Какую сторону вы считаете обычно не той?

Мы оба увлеклись теперь темой: вопросы и ответы делались все быстрее, сшибаясь налету.

– Очень просто: эксперимент против традиции. Ну и элемент богоборчества, в той или иной мере сильный. Круглоголовые, санкюлоты... Санкюлоты были откровенные безбожники, но и круглоголовые – реформаторы. А среди кавалеров было немало католиков. В вашей войне все не так явно, но все же Юг был аристократичен, а Север – тельцекратичен.

– Но рабство? Разве не прав был Север, желая отменить рабство? Это не я спрашиваю, это спросит любой читатель.

– В Российской Империи с крепостным состоянием, хоть это вовсе и не рабство в полном смысле слова, покончили безо всяких революций. Это ложная сцепка.

– Трудно возразить. Так неправда побеждала – почти всегда?

– Впору бы отчаяться, но, по счастью, мы победили в Гражданской.

– Почему все персонажи «Хранителя анка» – такие юные? Неужели воевала преимущественно молодежь?

– Молодежи воевало немало, но в действительности среди добровольцев были представлены все возрасты. Просто как-то глупо писать о том, чего не знаешь. Я сделала главными героями своих ровесников – и моложе. Подождите – я состарюсь, вот и будет некоторое разнообразие среди моих персонажей.

– Юный писатель, юная книга... Да, это трогает, как я уже упоминал. Что же, пора сделать небольшое признание, прежде, чем мы приступим к фотографической сессии.

– И сколь страшным будет ваше признание?

– Судите сами. – Костер, как ни странно, казался теперь немного смущенным. – Я начал работу над переводом книги на английский язык. Следовало, конечно, сначала спросить вашего согласия. Но я как-то увлекся. Сел, чуть-чуть попробовал, ну и не сумел уже

остановиться. Но мне никогда еще не приходилось браться за такой большой объем русского текста. Это своего рода первый опыт. Быть может, вам следует подождать давать разрешение мне – вдруг за дело возьмется кто-нибудь с большим опытом художественного перевода. Подумайте, это действительно серьезный вопрос.

Теперь уже смутилась я.

– Если вам интересно переводить мою книгу – то переводите. Я сама бралась за слишком большой объем фактического материала, когда ее начинала. И ничего, справилась.

– Так вы разрешаете мне продолжить работу?

– Конечно же.

– Надеюсь, что не заставлю вас о том пожалеть, Елена Петровна. В какой день прислать вам текст?

– Лучше сегодня или завтра. Я не знаю, сколь надолго уеду.

– Я пришлю все к вечеру с посыльным. И еще – я могу надеяться на продолжение нашего знакомства – ввиду моей работы?

– Да, у вас ведь, вероятно, будут появляться вопросы.

– Благодарю. Я ближайшие месяцы намерен быть в России. Так что все складывается довольно удачным образом.

Мы обменялись визитками, а затем Костер сделал множество моих фотографий: за бюро (папиным, на самом деле, но за ним я смотрюсь эффектнее, а читателям какая разница?), на фоне книжных полок, на балконе, в кресле с книгой в руках – ни в чем не повинным стариной Гербертом Спенсером.

Как ни странно, мы действительно уместили свою беседу в те самые полтора часа.

Распрощавшись с американцем, я снова обосновалась в отцовском кабинете, предполагая зарыться в бумаги до ночи. Как выяснилось в довольно скором времени – этот день мне все же суждено было провести иначе.

Глава XIII Великие тени

Ответы на запросы Ника о речи Адмирала и поведении большевиков я отправила ему еще до приема в Кремле. Но это было и нетрудно. Последний пункт – он немного заковыристее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.